

ISSN 0131-5994

ПОВЕЩНИК

№ 4 1993

В НОМЕРЕ:

Джей Мартел. ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ АМЕРИКИ	4
Марк Льюмен. СЛОВЕСНОЕ ДЗЮДО КОГДА БЫЛ ЛЕННОН МАЛЕНЬКИМ...	7
Ули Раус. ВОРОБЫШКИ	8
Адриано Ботта. ПИРАТЫ	10
Клаус Мадзиа и Эва Вебер. КАК УНИЧТОЖИТЬ ЧУДОВИЩЕ	12
РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»	14
В. Симонов. ПРОСТО ПРОСТ ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...	15
Джерри Хопкинс и Дэнни Саджермен. НИКТО НЕ УЙДЕТ ЖИВЫМ...	19
Эндрю Нейл. МАДОННА-ОСВОБОДИТЕЛЬ	22
В. Липатов. МЕСТЬ ОДНОЙ БЛОНДИНКИ	24
ВИДЕОКЛУБ	28
	31

На первой странице обложки: ▶

РОВЕСНИК

№ 4 АПРЕЛЬ 1993

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:

Журналистский коллектив редакции
АО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия:

В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ,
С.А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШ-
НЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИ-
МОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редак-
тора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Технический редактор Н. М. Носова

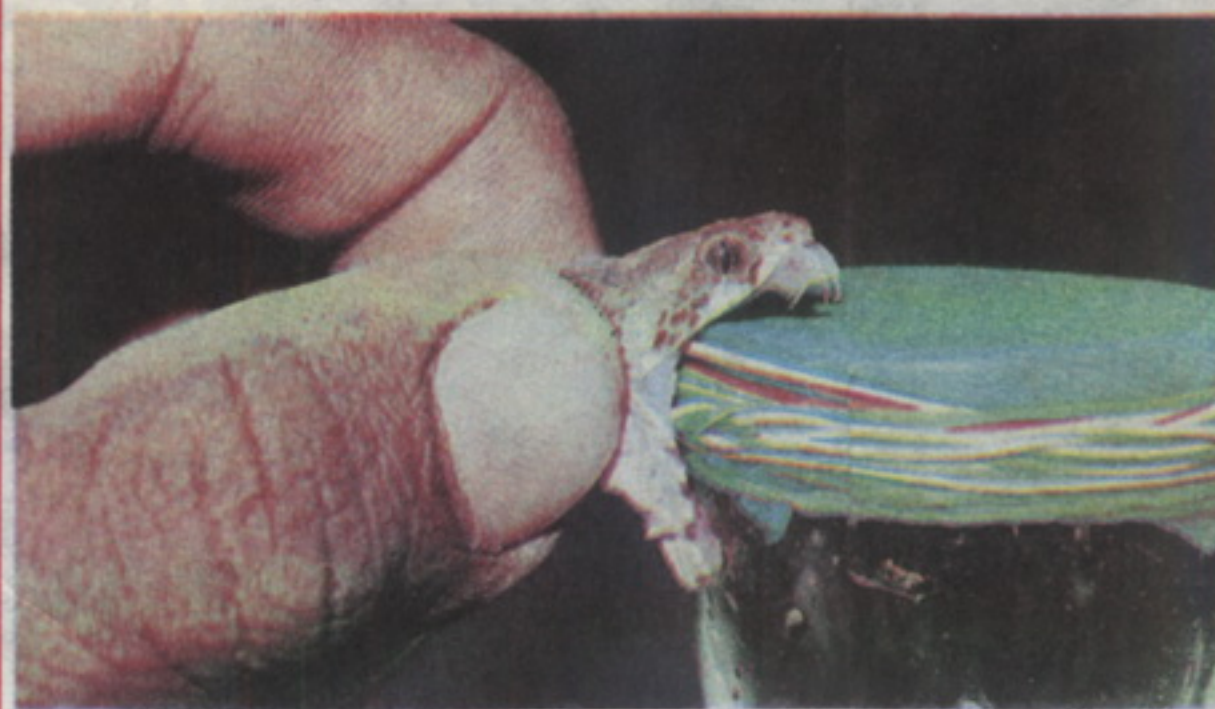
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодми-
тровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для спра-
вок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка мате-
риалов разрешается только со ссылкой на ежеме-
сячник.

Сдано в набор 10.03.93. Подписано в печ. 18.03.93.
Формат 84 x 108 1/16. Печать офсетная. Бумага оф-
сетная, № 1. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-нр. отт. 13,44. Уч.-
изд. л. 5,3. Тираж 397.000 экз. Зак.32030.

Ордена Трудового Красного Знамени Акционерное
общество «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030.
Москва, К-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

ВГЛЯДИТЕСЬ В ЭТО ЛИЦО — а теперь посмотрите на первую страницу обложки. Он это, он, тот же самый Оззи Осборн. Говорят, что если человек создан по образу и подобию Божьему, то хэви метал-рок создан по образу и подобию Оззи Осборна. Наверное, поэтому всякие разные борцы с роком утверждают, что это музыка дьявола. Но мы-то с вами знаем, что Оззи Осборну, хорошему и доброму человеку, просто скучно жить обычным Джоном Майклом Осборном. И вот уже четверть века он всячески валяет дурака. А если дуракам это непонятно — так это их личное дело.

БЛАГОСЛОВИТЕ И ЗМЕЙ, И ЛЮДЕЙ. Между южноиндийским племенем ирула и ядовитыми змеями издавна существует мистическая связь. Культ поклонения змеям сопровождается ирулов с рождения до смерти. Укус кобры — священен, это кара за грех непочитания богов.

Вместе с тем ирулы — выдающиеся охотники-змееловы. И с прошлого века они были основными поставщиками змеиной кожи. Но в 70-х годах, когда истребление рептилий приобрело катастрофические масштабы, правительство вынуждено было запретить заготовку и торговлю змеиной кожей. Увы, это экологически оправданное решение чуть было не обернулось трагедией для маленького народа, не имеющего других источников дохода и не желающего превращаться в горожан.

Выход был найден. Сегодня ирулы — единственные в Индии поставщики сыворотки, спасающей при змеиных укусах. Они создали кооператив по отлову змей и сбору змеиного яда. Яд замораживается, и эти кристаллы являются основой спасительной сыворотки. А ведь в Индии ежегодно погибает от змеиных укусов более 10 тысяч человек.

Ч Т О П И Ш У Т ...

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ШТАНОВ. Великий норвежский драматург Генрик Ибсен когда-то написал: «Отправляясь на битву за свободу и правду, никогда не надевай свои лучшие штаны». Если призадуматься, то истина в этом афоризме есть. Тем более, что те самые брюки, т.е. длинные штаны, ввели в моду молодые английские джентльмены в знак солидарности с революционным народом Франции, а революционный народ, в числе прочих прав, борется и за право носить лучшие штаны...

Мы не будем повторять здесь известные факты — типа того, откуда произошло слово «джинсы» (однако на всякий случай напомним: от средневекового названия города Генуя — Джена). Мы не будем говорить, что родиной штанов — «одежды для нижней части тела, состоящей из двух соединенных вместе рукавов» — считается Китай. История их длинна и богата. Приведем лишь последние сведения: в 1986 году одна британская фирма выпустила штаны из переработанных пластиковых бутылок, а первыми поп-музыкантами, надевшими штаны задом наперед, была группа «Крисс Кросс». Впрочем, они все задом наперед носят — такая вот торговая марка...

НИКАК НЕ ОЖИДАЛ ОН ТАКОГО ВОТ КОНЦА... Борис Беккер (на снимке он лицом к нам), звезда мирового тенниса первой величины, стоя на коленях, воздевает руки то ли к небу, то ли к своему соотечественнику Михаэлю Штиху с одним вопросом: как же так?! Он еще не верит, что проиграл, казалось, вечно второму Штиху с разгромным счетом 1:6, 1:6.

От поражений никто не застрахован, но настоящие профессионалы умеют и проигрывать красиво и достойно. Чем тоже доставляют массу удовольствия публике, восхищенно вздыхающей: «Ну, артист!»

В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ «РОВЕСНИКА» мы рассказывали вам о замечательном предприятии, придуманном жителями Небраски Брайаном и Майклом Маккормакми, — Всемирном дне Приветствий. Напоминаем: уже двадцать лет 21 ноября каждый участник Дня приветствует десятерых первых встречных. Мы же решили расширить границы Дня «С приветом» и превратить его в целый Год. Или даже Годы. И в каждом номере свой привет читателям «Ровесника» будет посылать очередная знаменитость. На этот раз — принцесса Диана.

Кстати, послать привет братьям Маккормак — а они будут очень рады его от вас получить — можно по адресу: P.O. Box 993 Omaha, Nebraska, 68101, USA. Brian McCormack, Michael McCormack.

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ АМЕРИКИ

«Не поддавайся на лесть» — вот девиз Люка Перри, того самого молодого человека, чей лик украшает нынче сувенирные подушки и чьи появления сопровождаются такой толпой, что похороны Аятоллы Хомейни выглядят как тихое домашнее собрание. «У меня в Денвере был жуткий случай, — рассказывает Люк. — Одна девушка, увидев меня, грохнулась в обморок. А я стоял над ней, как дурак, и твердил: «Ну дыши же, дыши!» Мне все это не нра-

вится. И я этого не понимаю. Я же не Король», — и он показывает на кружку с портретом Элвиса Пресли. Мы сидим в голливудском китайском ресторанчике, в месте, строго охраняемом от публики. По стенам развешаны портреты звезд, как сверкающих, так и уже погасших. «Я стараюсь теперь нигде не появляться, а то в прошлом году в Сиэтле мне пришлось удирать в фургон для перевозки грязного белья». В прошлом августе толпа подростков столь яростно атаковала сцену, на которой должен был поя-

виться Люк, что несколько человек увезли потом в больницу. «Подростки потеряли головы — буквально», — гласили заголовки.

Так по поводу чего весь этот крик? А по поводу телесериала «Беверли-Хиллз 90210», в котором Люк играет Дилана Маккея, шикарного парня, старшекласника из престижной школы в районе Голливуда. Вместе со своими партнерами по сериалу он самым наглядным образом иллюстрирует все терзающие современных подростков проблемы — от установлен-

90210», поразив Америку, перекинулась и на Европу.

В результате Перри ушел с постоянного места работы — фабрики по производству дверных ручек («Я терполировал эти чертовы ручки, убирал цех, а после работы бегал на актерские курсы»). И теперь он — герой двух книг, «Люкомания» и «Обожаемый Люк», а его сугубо мужские достоинства прошли испытания Мадонной: ходят слухи, что у них был романчик.

Сюжетец же таков: семья Уолшей — папа, мама и близнецы Бренда (Шэннон Доэрти) и Брэндон (Джейсон Пристли) — переезжают из провинциальной Миннесоты в шикарный лос-анджелесский район Беверли-Хиллз. Папа идет на новую работу, дети — в старшие классы местной школы. И в первый же день брата с сестрой приглашают на вечеринку, которую устраивают их одноклассники. Здесь следует целый набор подростковых стереотипов и шуточек: падение в бассейн, первая пьянка, первый поцелуй и пр. Мама Уолш, квохчущая по поводу того, что доченька стала слишком уж краситься, папа Уолш, с доб-

рой улыбкой наблюдающий за первым похмельем сына. Никто от этого шоу ничего и не ждал: слава Богу, подростковых фильмов и сериалов, повествующих о том, как это весело — быть подростком, — в Америке предостаточно. Но тут продюсера Аарона Спеллинга, отца восемнадцатилетней дочери, осенила счастливая мысль: оказывается, быть подростком не только весело, но и трудно! (Тори Спеллинг тоже снимается в сериале, и папа каждый раз подпрыгивает, когда она появляется на экране в малюсеньком бикини.) У подростков, оказывается, масса проблем, о которых взрослые либо уже подзабыли, либо тех, с которыми в свое время не сталкивались — ну кто из подростков лет пятнадцать назад думал, например, о СПИДе? А разве несколько лет назад обсуждался вопрос о том, что подросток тоже может заболеть раком? И, скажите на милость, разве писали и говорили раньше, что если парень изнасиловал пришедшую к нему на свидание девушку, то он — такой же насильник и скотина, как тот, кто нападает на женщин в темных переулках? ➤

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **7078I**
(индекс издания)

РОВЕСНИК

(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 ___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Куда | |
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

№В место л-тер на газету журнал **7078I**
(индекс издания)

РОВЕСНИК

(наименование издания)

Стоимость подписки ___ руб. ___ коп. Количество комплектов: ___
перее- адресовки ___ руб. ___ коп.

на 19 ___ год по месяцам:

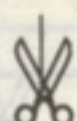
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Куда | |
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

Джей МАРТЕЛ,
американский журналист

ного родителями «комендантского часа» до СПИДа. Сериал начался осенью 1990 года, первоначально его планировали на несколько недель, да и в эти первые недели рецензии были ужасными. Но, вопреки рецензентам и предположениям создателей, вокруг сериала началась настоящая массовая истерия, а актеры превратились в подростковых кумиров. Причем болячка по имени «Беверли-Хиллз

При этом сериал развивается в том же темпе, в котором течет обыкновенная, некиношная жизнь. Между первым поцелуем Дилана-Люка Перри и Бренды-Шэннон Доэрти и их первым любовным актом проходит несколько месяцев. Сама же «горизонтальная» сцена на экране не показана. «Наш фильм,— говорит Шэннон Доэрти,— для семейного просмотра. Мы называем ситуацию, определяем ее, но не показываем никаких подробностей. Потому что я так и вижу, как сидят перед телеэкранами родители и дети, и папа исподволь поглядывает на дочь: а как у нее там? И моя героиня говорит отцу: «Па, ты как хочешь: чтобы я тебя обманывала, или ты предпочитаешь доверять мне и знать обо мне все?»

И произошло чудо: телегерои зажили «всамделишной» жизнью, и даже усилия сценаристов не могли сбить их с предначертанного пути. Актриса Дженни Гарт, играющая богатую испорченную блондиночку Келли Тейлор (ту самую, которая положила глаз на Брэндона), говорит: «Мне казалось, что моя героиня для

полноты картины должна совершить какую-нибудь явную гадость: например, стащить что-нибудь в магазине или переспать с другом Брэндона. Но все наши попытки ввести подобные эпизоды оканчивались крахом — получалось как-то глупо и неестественно». Зато для Келли оказалось естественным подсунуть Брэндону в стакане с газированной водой наркотик (сценаристы придумали для этого эпизода наркотик под названием Ю-4-И-ЭЙ: они боялись, что упоминание какого-либо реального наркотика может вызвать волну подражания). Из этого получились два вполне назидательных, но забавных эпизода с моралью: не принимай наркотиков из рук соблазнительных блондинок. И не пей — потому что в январской серии Брэндон напился, попал в тюрьму, а когда вышел, то узнал, что его машину, ради которой он вкалывал после занятий, «раздели». Рассказывая мне об этом эпизоде, Брэндон Джейсон Пристли потягивает пиво — питье пива кем-нибудь из героев «90210» превратилось бы в целую проблему подросткового алкоголизма.

Джейсон Пристли — актер, что называется, с молодых ногтей: в четыре года он попросил свою мать, бывшую актрису, свести его с театральным агентом. И уже тогда начал сниматься в рекламных роликах («Самый большой мой успех — фраза «...и ветчина», пропетая в рекламе колбасной фирмы»). Прорыв в «90210» затронул Джейсона куда меньше, чем Люка Перри: «Я просто отказываюсь появляться на публике и разъезжать по стране — мне не нужны неприятности. Пожалуй, единственное, чего я боюсь,— это что наша авторская команда решит, будто сериал затронул уже слишком много проблем, и сведет все к бездумному развлечению. Но пока что такого не намечается».

В прошлом ноябре сериал затронул, пожалуй, самый сильный из подростковых страхов — страх смерти. Один из героев, Скотт (актер Дуг Эмерсон), решил показать приятелю отцовский револьвер. Начал по-ковбойски крутить его на пальце и случайно выстрелил в себя. Этот эпизод получил самые высокие оценки — и он же оказался трагическим для Дуга Эмерсона:

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

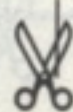
При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемента выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

**Заканчивается
подписка на
«Ровесник» на
вторую половину
1993 года. Она
продлится до 30
апреля. Поэтому,
не откладывая на
завтра, берите
ножницы,
вырезайте этот
бланк, и с ним — на
почту.**

**Подписывайтесь
сегодня — завтра
будет ну очень
дорого.**

он рассчитывал на долгую тележизнь и купил в кредит новую машину... И вот представьте себе его ситуацию!

Дуг надеялся, что продюсеры просто тяжело ранят его героя, но увы: наказание для тех, кто играет оружием, — смерть. «Мне кажется, что этот эпизод должен подействовать на подростков, — говорит Джейсон Пристли, — потому что не само оружие убивает людей». Совершенно верно. Это делают продюсеры. Единственное утешение для Дуга Эмерсона в том, что, несмотря на преждевременную кончину, продюсеры не видят ничего странного, чтобы актер снимался для постеров «90210», которыми обклеены, пожалуй, все детские комнаты Америки... Подпись под плакатом, на котором изображены все-все, гласит: «Сегодня они потеряют одного из них».

На грани смерти побывала и Бренда — она обнаруживает у себя в груди затвердение, но продюсеры, понимая, что гробить главную героиню никак нельзя, мановением пера сделали опухоль незлокачественной. И все же смысл в той серии был, и вполне определенный — помимо мелодраматического эффекта: разве во всех популярных изданиях не призывают сейчас женщин учиться обследовать себя, чтобы на самой ранней стадии выявить рак груди? Это тоже напрямую адресовано девушкам-подросткам.

«Что главное в телесериале? Чтобы зритель на время развлекся, отвлекся от своих личных проблем. Но наша задача — чтобы зритель после окончания серии задумался хотя бы на пять секунд. Эти пять секунд — и есть наша главная цель. Они все равно свое дело сделают», — считает продюсер Аарон Спеллинг.

«Все дело в том, что шоу очень реалистично», — вторит его дочь Тори. Реалистично? Подростки с внешностью Люка Перри и Джейсона Пристли — они что, в каждой школе встречаются? Подростки, одетые в дизайнерские джинсы и разъезжающие в «БМВ», — это реализм? Но реальность на телеэкране — весьма относительная штука.

«Если девочка не приходит на свидание — это трагедия как для экранного, так и для реального подростка. И мы хотим им продемонстрировать настоящий масштаб их подростковых неприятностей», — говорит Аарон Спеллинг. Потому что родители понять этого не могут — они либо слишком заняты делами, либо слишком заняты собой. Либо вообще ничего не желают понимать и, словно страусы, прячут голову в песок. Любопытно, что, кроме Бренды и Брэндона, никто из героев сериала не живет в полных или в нормальных семьях. Мамаши или слишком вольны — принимают наркотики или пьют (как у Келли и Дилана), или, напротив, чересчур строги (как у Скотта), или чересчур эгоистичны и неспособны на любовь (как у Стива); папаши же вечно отсутствуют или скрываются от закона (как у Дилана, Келли, Стива).

Именно поэтому сериал тронул столько юных сердец: в нем носителями добра являются подростки, а не традиционные киношные мамы-папы, которые снисходительно учат добру бестолковых деточек. И совершенно неважно, что герои хороши собой, носят роскошные шмотки, разъезжают в модных автомобилях и живут в Беверли-Хиллз.

Есть еще один забавный, но нарушающий стереотип момент: испокон веков любимцами Америки были блондинки. Обратите внимание: сто-процентная американская девчонка — блондинка по определению. Бренда же темноволосая. А темные волосы хорошие девушки не носят. Так после «90210» производители осветителей для волос жалуются на падение покупательского спроса!

Зато на него не жалуются производители маек, постеров, пляжных полотенец — этим летом чуть ли не все подростки Америки валялись на Люке Перри или Джейсоне Пристли. Фирма «Маттел» приступила к выпуску кукол типа Барби, изображающих героев телешоу. И Шэннон Доэрти уже жалуется на кошмары, в которых на нее наступают полчища ее же самой. В играх

типа «Тривиа персьют» (аналог нашего «Счастливого случая». — Пер.) задаются вопросы типа «Как звали кошку Джейсона Пристли?» или «Какого размера бампер на автомобиле Люка Перри?»

В последние десять лет Америка возлюбила своих подростков, видимо, в противовес ненависти, которую она испытывала к ним двадцать лет назад. Еще бы, те, двадцатилетней давности подростки, были крайне несимпатичны: убегали из дома, протестовали против ценностей пап и мам, курили «травку», носили длинные волосы, ходили в рванье и вообще были какие-то прыщавые. Своими прыщами и длинными волосами они ставили под сомнение право Америки гордиться собой. Нынешние же позволяют американцам глядеть на себя с удовольствием: только посмотрите, какие эти ребята крепенькие да чистенькие! Да, у них есть свои проблемы, но они сугубо подростковые, они их перерастут, если мы, мамы и папы, им поможем или хотя бы не будем мешать. Это ли не либерализм?

Америка уже пережила одно опьянение «образцовыми подростками» — группой «Нью кидз он зе блок». Обкушалась чистенькими мальчиками. Сейчас наступил черед «Беверли-Хиллз 90210». Пока все идет хорошо. Шоу в полном разгаре. Но проблемы есть — у актеров, исполняющих главные роли. Они ведь не вечно будут подростками — Люку Перри и Джейсону Пристли крепенько за двадцать, Габриэлле Картерис (она играет девочку по имени Андреа Зукермен) вообще тридцать лет, исполнительница роли мамы Дилана в жизни ненамного старше Люка Перри и т.п. И когда шоу закроется, а когда-то оно закроется непременно, что станет со всеми этими людьми, оставшимися в сознании масс вечными подростками?

Так что в каком-то отношении убиенному в ноябре Дугу Эмерсону повезло: герои умирают молодыми...

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

ДОРОГИЕ СТАРШЕКЛАСНИКИ

Если вы хотите все успевать, развить свою память, внимание, воображение, предлагаем вам окончить заочное отделение Центра быстрого чтения.

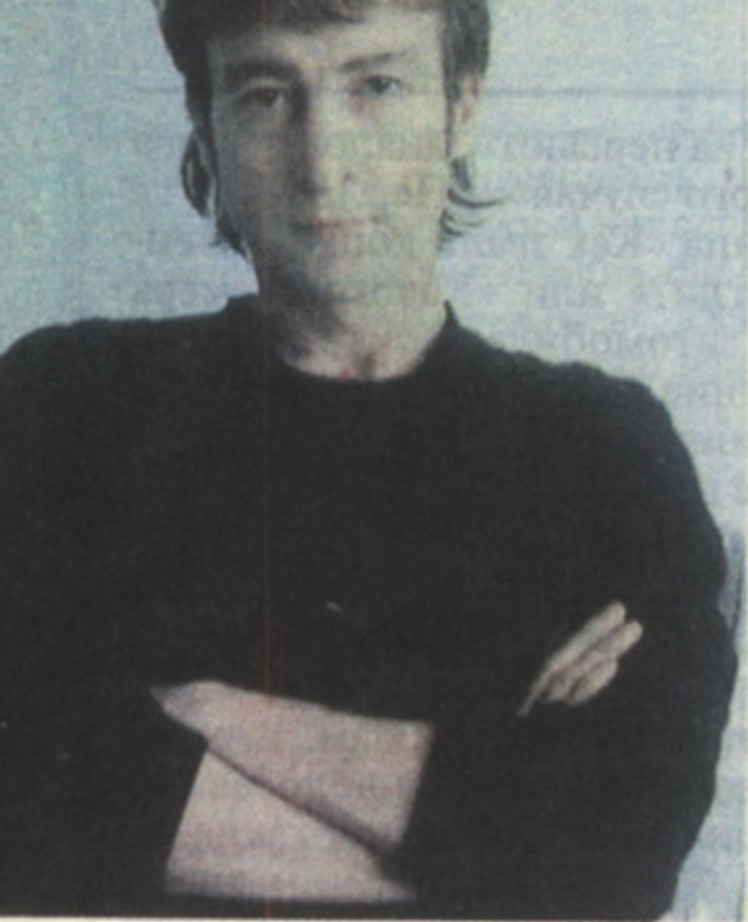
Быстрое чтение — это ваш путь к успеху в учебе и жизни. Вы получите единственный в нашей стране учебник «Техника быстрого чтения», методические пособия, записи сеансов аутотренинга. Просим переводить плату за обучение только после получения от нас специального бланка. Запросы направляйте по адресу: 125047, Москва, 1-й Тверской-Ямской переулок, 11. Не забудьте вложить в письмо конверт с вашим обратным адресом.

Наш телефон: 251-99-47.

Центр быстрого чтения ждет вас.

КОГДА БЫЛ ЛЕННОН

О ДЖОНЕ ЛЕННОНЕ рассказывает его друг детства **ПИТ ШОТТОН**: «О том, что Джон в детстве был далеко не сахар — об этом знают многие. Но мало кто знает, что он с детства был Великим Другом, а людей, способных на дружбу, на белом свете раз-два, и все. Когда нам было по семь лет, мы с ним решили стать кровными братьями. Джон приволок кухонный нож, но надрезать руки нам так и не удалось — нож был ужасно тупой. «Ну и черт с ним! — объявил Джон. — Считаю, что мы и так «братья» по крови».

Жизнь сводила и разводила нас, он стал тем, кем он стал — а я был владельцем малюсенького кафе, сидел по уши в долгах. Мы встретились с ним снова случайно, на улице. Джон понял, как идут у меня дела, и принес на Рождество подарок — конверт с пятьюдесятью фунтами. По тем временам это было как нынешние пятьсот, огромные деньги для меня. А потом он купил для меня универсальный магазин — считалось, что он его совладелец, но Джон и знать-то не хотел, что в нем творилось...»

УИТНИ ХЬЮСТОН: «Я неизбежно должна была стать певицей, потому что выросла в окружении великих певиц. Моя мама — Сисси Хьюстон, двоюродная сестра — Дайон Уорвик, самая близкая мамина подруга — «тетя Ри», Арета Фрэнклин... Мое первое выступление состоялось в баптистской церкви в Нью-Джерси. Мне было девять лет, и я пела госпел «Веди меня, о великий Иегова». Мама руководила хором в этой церкви, и потому мои корни — в госпелах, чему я очень рада. Многие удивляются, почему мы, американцы, так рано проникаем в суть блюзов, спиричуэлз — европейским певцам требуется куда больше времени, если им это вообще удастся. Да потому что мы с детства начинаем петь все это в церквях! Церковный хор — куда лучшая школа, чем даже Джульярд (знаменитая нью-йоркская школа и консерватория. — Ред.). И только подумать, что мама мечтала, чтобы я стала учительницей или врачом!»

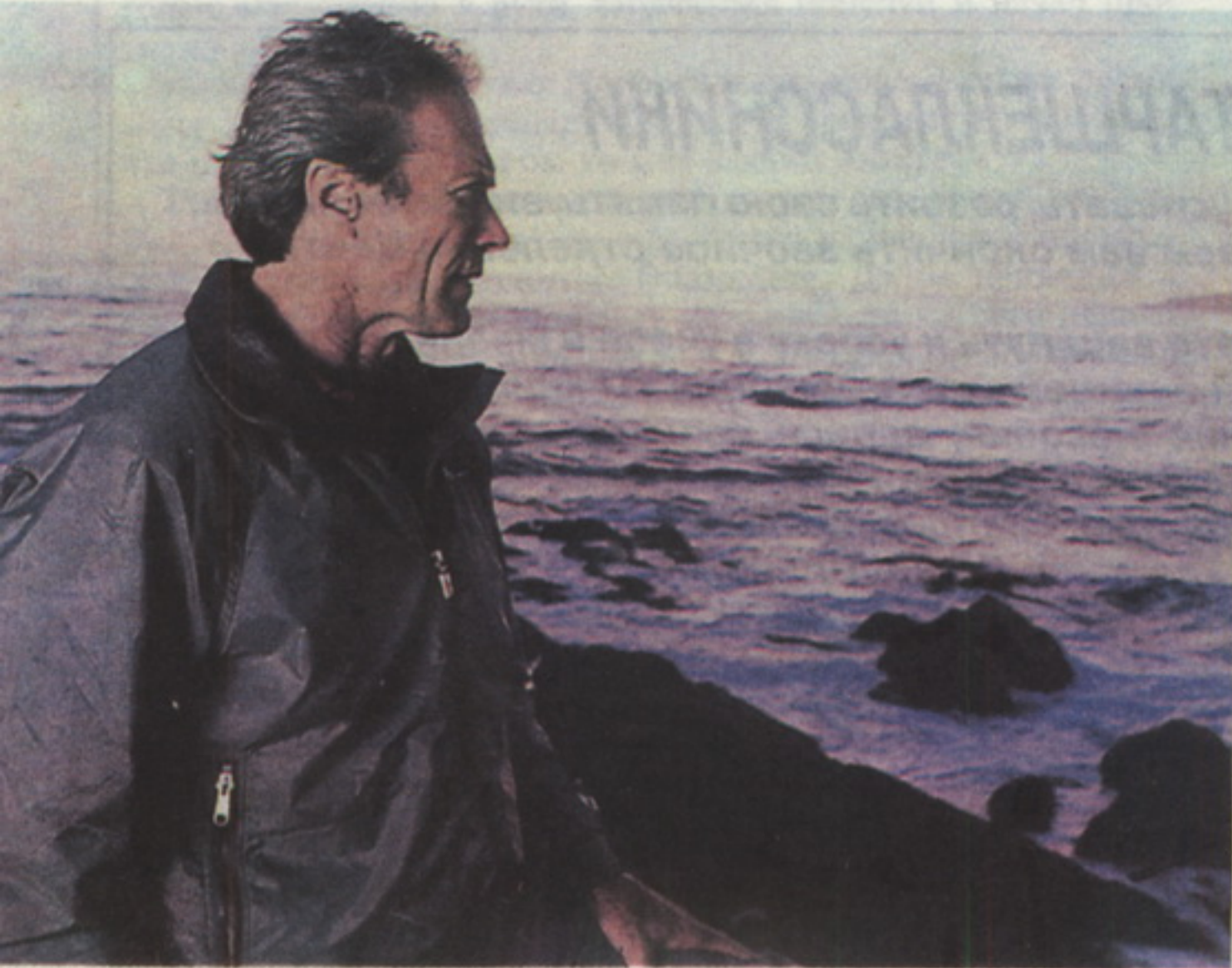
РОБЕРТ РЕДФОРД: «Отец говорит, что в детстве я был помесью Тома Сойера и царя гуннов Аттилы... Дрался со всем, что движется мимо. Энергию мою мог укротить только отец. Он работал молочником, и когда возвращался с работы, я уже ждал его на крыльце с бейсбольной ловушкой. Мы играли, и он выяснял, незаметно так, что еще славного за день я совершил. Хулиганил я от скуки. Мне было ужасно скучно в школе, а наш городок — Ван Нис — вообще был настоящим болотом. Так что после школы я на бейсбольную стипендию уехал в университет штата Колорадо, но и там чуть от скуки не помер. Тогда я нанялся матросом на сухогруз и отправился в Европу: решил стать художником, я всегда неплохо рисовал. Там и началось мое настоящее обучение... У меня до сих пор с моим стариком самые теплые отношения, а мама умерла, когда мне было восемнадцать. Я у нее многому научился. Она смотрела на мир весело и без обид».

БЕТТ МИДЛЕР: «Для девочки из еврейской семьи у меня совершенно невероятное детство! Я выросла на Гавайях — отец работал маляром на военной базе, и я росла в квартале, где не было не только ни одного еврея, а даже ни одного белого. Ребята дразнили меня «крабом-альбиносом». Я была жутко неуклюжая, такая толстая очкастая раскоряка. И мечтала стать красавицей-актрисой. Если б я уже тогда поняла, что красавицы из меня никогда не выйдет и вся моя прелесть в том, что я здорово отличаюсь от других, мои юные годы были бы куда веселее! Мама поощряла мои амбиции, потому что всегда увлекалась шоу-бизнесом — она даже назвала меня в честь великой актрисы Бетт Дэвис. А отец, тот просто свирепел, если я пыталась, например, накрасить глаза. Так что на первые самостоятельно заработанные деньги я удрала в Нью-Йорк. И даже когда ко мне пришел успех, отец все еще был недоволен, а мне так хотелось заслужить его похвалу! Он примирился со мной, только когда я в сорок лет вышла замуж. Он ждал внуков. Он не дожил до рождения внучки, а я назвала ее Софией Фредерикой — в честь отца, его звали Фред».

КЛИНТ ИСТВУД: «Я рос во времена Великой Депрессии, и мой отец колесил по стране в поисках работы. За десять лет я сменил десять школ, так что неудивительно, что стал по характеру довольно мрачным типом и одиночкой. Я долго не знал, кем хочу быть, меня ничего особенно не интересовало. Отец всегда говорил: «Деньги просто так не платят», и хотя я по натуре довольно строптивый, против этого высказывания никогда ничего не имел. И когда закончил школу, пошел работать на лесопилку, это было в Орегоне, чтобы не зависеть от предков финансово. То была первая из моих невероятных работ. В армии я служил в Калифорнии, потом застрял в Лос-Анджелесе, и меня просто как-то втянуло в актерство... Отцу — он к тому времени уже выбился в люди, стал коммерческим директором крупной фирмы — это очень не нравилось, он не считал актерскую профессию надежной. Но когда мое имя появилось в первом телефильме, он смиловивился. Его тоже зовут Клинт Иствуд, и ему, видно, понравилось, как выглядит его имя в титрах».

МАЛЕНЬКИМ...

ИЛИ ДЕТСТВО ЗВЕЗД

КАТРИН ДЕНЕВ: «Войну я почти не помню: в 45-м мне было два года. Зато хорошо помню, как голодно было в Париже после войны. Родители мои были актерами, но мама ушла со сцены, когда появились дети — четыре дочери, — а отец зарабатывал тем, что дублировал на французский американские фильмы. Самое мое страшное воспо-

минание — это когда мне было восемь лет и мама заболела туберкулезом. Ее отправили лечиться в горы, а нам, детям, поначалу ничего не сказали. И вот я просыпаюсь утром, а мамы нет и все ее платья тоже исчезли... Я думала, что уже никогда ее больше не увижу. Она вернулась только через год, и какое ж это было счастье! С тех пор я ненавижу всякие неожиданности и очень боюсь, что кто-нибудь может причинить мне душевную боль. Поэтому стараюсь держать людей на расстоянии, даже тех, кого очень люблю. Наверное, оттого меня считают холодной».

СИЛЬВЕСТР СТАЛЛОНЕ: «Не буду врать: детство у меня было отвратительным. Даже рождался я с трудом, меня тянули щипцами и повредили лицевой нерв. Поэтому у меня долгое время вместо улыбки была кривая ухмылка, что другим ребятам очень не нравилось. Отец у меня был очень жестоким, он руководствовался принципом: «Не возникай!», а я и не возникал.

Даже со спортом мне не везло — я был круглым двоечником, и в спортивные команды меня не принимали. Но когда мне исполнилось одиннадцать, мама развелась с отцом и отдала меня в дорогую частную школу Деверо для проблемных ребят. И все пошло по-другому: учителя старались развивать наклонности учеников, а я начал преуспевать в спорте, научился улыбаться, участвовал в спектаклях и пробовал сам писать пьесы. И их ставили в школьном театре! Если бы не мама, школа Деверо, спорт и пьесы, я б уже кончил дни свои — на электрическом стуле».

ДЭВИД БОУИ: «Я вырос в поганом многоквартирном доме в самом бедном районе Южного Лондона. И ужасно хотел вырваться оттуда, вырваться на свободу. С самого раннего детства я понимал, что для того, чтобы выжить, я должен изобрести свой собственный мир и попытаться превратить его из фантазии в реальность. Поначалу я мечтал стать художником. Мой отец — игрок, пьяница и по большей части безработный, хотя иногда его брали на работу в разные приюты, там всегда не хватает служащих, — совершенно случайно помог мне обрести свой мир. В музыке. Когда мне было одиннадцать лет, он притащил мне несколько сорокапятков Литтл Ричарда, и я позабыл обо всем на свете! А через два года он подарил мне саксофон, и я стал учиться играть. В шестнадцать я бросил школу, некоторое время работал в рекламном деле, но быстро понял, что художника из меня не выйдет. Тогда я взял саксофон и начал выдувать из него первый из моих многочисленных чудесных миров!»

МАДОННА: «Я по натуре человек очень агрессивный и устремленный к цели — такой меня воспитали. Я выросла в итальянской католической семье, нас, детей, было восемь, я старшая. В такой семье надо бороться, чтобы тебя заметили, а отец поощрял в нас дух соревнования. Карманных денег нам просто так не давали, мы должны были их заслужить. Отец, например, платил нам за школьные оценки, так что для меня было очень важно всегда быть «номером один» и получать хорошие оценки, что, естественно, не нравилось моим братьям и сестрам. Поэтому я уже с детства привыкла не обращать внимания на тычки и обидные слова.

И в детстве, и в ранней юности никто не считал меня красоткой. Я была толстоватой, одевали меня безобразно, так что в девятнадцать я решила: все, баста, начинаю делать из себя красавицу. И сделала».

ТОМ БЕРЕНДЖЕР: «У меня типичное воспитание мальчика из семьи среднего класса — мы жили в Чикаго, и отец успешно торговал оборудованием для типографий. Но родители мои были из тех, кто считали, что по жизни надо идти мелкими шажками. Я их не виню, их юные годы пришлось на времена Великой Депрессии, и это наложило на них отпечаток. Я же не принимаю пораженческих взглядов и борюсь с этой философией всю жизнь. Я считаю, что жизнь полна замечательных неожиданностей и возможностей. В колледже я сначала учился на журналиста, потом меня потянуло на сцену, и это дело увлекло меня полностью. Мне нравится играть, представлять. Кого я только не играл! Ковбоев, психопатов, даже венгра как-то раз. Но я понимаю, что когда-то мне придется уйти из шоу-бизнеса: вряд ли на меня будут смотреть, когда мне будет пятьдесят. А поскольку я довольно неплохой организатор, то смогу, наверное, стать продюсером. Не знаю... Жизнь слишком увлекательная штука, такая разнообразная, так что нечего ставить себе какие-то границы».

ВОРОБЬШКИ

Ули РАУС,
немецкий журналист

Он — толстый и старый, говорили девочки. Седые волосы, лет от 45 до 60, турок, водит «порше». Илона стащила у него из тумбочки зажигалку. На ней было выгравировано: «Кураи Юнсал».

Это не просто зажигалка. Это — вещественное доказательство.

Мы нашли этого человека в городке Кайзерслаутерн и тайно сфотографировали. И вот теперь хотим пронаблюдать, как Илона и Эмёке отреагируют на фотографию.

Домишко, укрывшийся за сливовыми деревьями. Эмёке сидит за кухонным столом, на газовой плите варится кукуруза. Мать на работе, убирает кукурузу, это дает 400 форинтов в день, то есть пять немецких марок — гроши, но хоть что-то... Эмёке — высокая, темноволосая крестьянская девочка.

Мы показываем ей несколько фотографий. На третьей она сразу же узнает Юнсала и — словно удар электрическим током. Она вздрагивает, закрывает лицо ладонями, валится на стол. В ней вновь всколыхнулось все пережитое, весь этот ужас, вся эта грязь.

В июне венгерка Эмёке Багари съездила в Германию. Тогда ей было 13 лет.

Ее подруга Илона Максай на два года старше. Мы встретились с ней в училище в соседнем городке Чекчард. И она рассказала, что одну ночь тоже вынуждена была провести с этим человеком. Он ее бил.

Какое-то время она молча смотрит на фотографию. Затем твердо говорит: «Это он. На все сто процентов». Она не хочет даже прикасаться к фотографии. На следующее утро ее показания будут запротоколированы венгерским адвокатом, и она подпишет заявление в германский суд.

Человек из Кайзерслаутерна заметно нервничает, когда мы разговариваем с ним по телефону. «Не знаю я таких», — говорит он. Потом, поняв, что у нас есть кое-какие доказательства: «Да, они пили кока-колу в моем кафе. Но я никого не насиловал». И презрительно бросает: «Да это же проститутки!»

Сегодняшняя Германия — болото дешевого секса. И проститутки поставляют зона бедности — Восточная Европа. Вывозят чаще всего обманом. Попросту — выкрадывают.

Даже несовершеннолетние продаются как скот, чтобы удовлетворять старых сладострастников. При этом редко, кто всплывает со дна, становится известным.

Криминальная полиция Киля освободила из борделя двух 17-летних болгарок — одной из них удалось дать знать о себе родственникам. Девчонки работали по 16 часов в день, рабочая неделя: семь дней. Процесс против болгарских сутенеров начнется в ноябре.

В Мюнхене полиция схватила четырех молодых чехов и одного поляка: парнишек вывез с их родины югослав Драган О. Он забрал себе из их «заработка» половину.

В Баутцене прокуратура разбирает дело Фолькера С. Этот 32-летний немец находил на деревенских праздниках в ЧСФР девушек, вывозил их на автобусе под видом «туристической молодежной поездки» и принуждал к нелегальной проституции. Таким образом он вывез семнадцать женщин.

Чех Андрей Пулко приговорен к трем годам тюрьмы: Пулко продал шесть своих соотечественниц содержателю берлинского борделя (между прочим, бывшему учителю). Одна шестнадцатилетняя девушка вынуждена была в первый же вечер обслужить двенадцать клиентов.

История с Эмёке и Илоной началась в жаркий майский вечер на танцах в провинциальном городке Батачек. К ним подошел высокий шикарно одетый мужчина, предложил сигареты. Выглядел он великолепно, а глаза у него были небесно-голубые, как у Теренса Хилла. Этот провинциальный обольститель торговал антиквариатом. Он пошептался с девчонками, наговорил им много хорошего:

они и подумать-то не могли, что Шандор — так звали красавца — выполнял заказ.

Полтора месяца Шандор возил девочек на прогулки, в кафе. Им очень нравились его манеры и пыл, с каким он воспевал жизнь за границей: он-то уже повидал мир!

По сравнению с ним ну что такое Эмёке? Бедная крестьянская девчонка, мать попивает, отец — в психушке, у нее самой какая перспектива? Ну, годика три поучится шить, будет получать аж 40 марок... В комнате у нее хранились самые ценные для нее вещи — открытки, мыло «Фа» да пустые банки из-под колы. Обе девчонки никогда не были любимыми детьми, и обе возмечтали о Шандоре. Обе уже созрели для такого покровителя, как он.

А потом он и говорит: «Мне нужно в Германию. Поедете со мной?» Он, мол, может там договориться для них о работе официантками. Простая работенка, 60000 форинтов в месяц, то есть 700 с лишним марок! Да столько их матери не заработают даже за год! Это же, наконец, новый телевизор, думает мать Эмёке, это, наконец, вожденный велосипед, думает Эмёке.

Вечером 18 июня Шандор приходит к матери Эмёке, чтобы вырвать у нее согласие. Все говорит и говорит, заглушая, отменяя все страхи: «Испытательный срок всего четыре дня, в воскресенье они уже вернутся. Дайте им шанс!» Отрава возымела действие. В четверг в 11 вечера Илона Максай и Эмёке Багари садятся в желтый «опель» Шандора и направляются к границе.

Жертвы похитителей зачастую ничего не подозревают. Как правило, они наивны и необразованны и всегда бедны. В конце августа суд в Рандоме (это в ста километрах от Варшавы) приговорил Павла Равски к семи годам тюремного заключения, а его сестру Грету Дзюбу — к четырем. «Привлекательной работой в берлинском кафе» и месячным жалованьем от 300 до 400 марок они заманили двадцать полек. Женщины, среди которых три были несовершеннолетними, оказались в турецком борделе под Кройцбергом. Проезд они должны были отрабатывать в горизонтальном

положении: ежедневно с 17 до 4 часов утра, 60 марок с клиента, все полностью отдавать сутенеру. Клиент входил в комнату, через 20 минут звонил будильник, и Равски подавал голос из-за двери: «Готов! Следующий!»

Павел Равски хорошо обжился в Берлине — сначала выступал на соревнованиях по кик-боксингу, был вышибалой в борделе «Каракас», затем «возвысился» до транспортировщика живого товара. Он умел быть обаятельным.

Берлин стал одним из крупнейших рынков торговли женщинами из Восточной Европы. Здесь на улицах и в 500 борделях столицы «трудятся» почти восемь тысяч проституток. Треть борделей содержат и посещают турки, а эти не церемонятся. Ни с «белыми женщинами», ни с конкурентами. Стреляют без лишних разговоров.

В пятницу около часу дня желтый «опель» достиг Франкфурта-на-Майне. Илона Максай и Эмёке Багари устали — путь был неблизкий. Из окон автомобиля они видят проплывающие мимо фасады банков — кадры из фантастического фильма, символ того мира, в который они так хотели попасть. Да еще вместе с этим шикарным мужчиной, который сидит за рулем. Каким же будет кафе, о котором говорил Шандор, если им станут платить целых 60000 форинтов в месяц?

А тем временем «товар» с нетерпением ожидают в Оффенбахе. Девочки выходят из машины. Перед ними стоит мужчина. Маленького роста, толстенький. Окидывает их взглядом. Смотрит на водителя и говорит лишь два слова: «Хорошая работа». Его зовут Моторос. В последующие две недели это имя станет для Илоны и Эмёке символом ада.

Моторос запирает их в квартире на улице Херманн-Штайнхойзер. В двух комнатах теснятся восемнадцать человек. Есть кухня, маленькая ванная.

Моторос муштрует их, добивается послушания, бьет, пинает ногами девичьи тела, раз, еще раз. Ему удается сломить сопротивление Илоны. С 13-летней Эмёке проблем вообще не было — она же еще ребенок, дрожащий комочек страха.

Девочки вспоминают о Германии, слова вырываются из них с запинками, с болью. Эмёке: «Нас заставили работать в баре. Мы должны были обращаться к старым мужчинам и называть их «пикколо» (итал. — «малыш»). Стакан выпивки там стоил 30 марок, это, должно быть, богатые мужчины. Они лезли все время целоваться, кусались. Однажды, когда один меня укусил, я закричала. Так он стал кусаться еще сильнее, даже кровь выступила».

Илона: «Один араб подарил мне желтого медвежонка. Он дал Моторосу 500 марок за ночь со мной. Те, которых мы обслуживали в машине на заднем сиденье, давали только 30 марок. Когда бар закрывался, Моторос отвозил нас на улицу с красными фонарями. Там меня хотел купить один урод, такой урод, за 20 тысяч. Я броси-

лась на колени перед Моторосом, молила его! Так он после этого два дня не давал мне еды».

Сделки, диктуемые географией бедности. Большинство из 6 тысяч проституток прибыли в Будапешт из России, Украины и Болгарии. Венгерские же девушки и их сверстницы из Польши и ЧСФР сбываются на секс-рынки Германии, Голландии и Бельгии. Они считаются там самыми дешевыми. Семьдесят пять процентов юношей, обслуживающих гомосексуалистов, «экспортируются» из Чехии и Словакии.

В прошлом сентябре в Праге должен был начаться процесс против банды из 33 похитителей и сутенеров, которые продавали девушек в греческие и немецкие бордели. Процесс отложили, так как не явилась ни одна из свидетельниц. Д-р Варга из криминальной полиции Праги говорит: «Молчание оплачивают сутенеры».

Интерпол разыскивает 28-летнего турка Илиаса, содержателя клуба «Сальса» в Ноймегене. С октября 1991 года он переправил туда несколько полек. 16-летняя Дагмара Ф. из Щецина говорит, что в переезде ее сопровождали трое — они издевались над ней, грозили бритвой. А потом ее продали за 1000 марок двум туркам.

В бельгийском городке Хассельт криминальная полиция обнаружила десять юных гражданок Польши. Они чистили картошку в кафе и «обслуживали» клиентов. Деньги отдавали хозяевам заведения.

В австрийском борделе полиция обнаружила около ста молодых женщин, преимущественно из ЧСФР и Венгрии. Главным развлечением была 15-летняя Романа Ф. из богемского местечка Каплице: за ночь она принимала полтора десятка клиентов, не получая при этом ни шиллинга.

Венгрия. Батачек. Маленький городок косится на Эмёке Багари и Илону Максай. Когда девушки идут по улице, вслед им несется шепоток: «Это те самые... Девицы Шандора, торговца антиквариатом... Они его засадили за решетку. А ведь он, добрая душа, все-таки привез их назад из Германии».

Шандора арестовали 24 июля прошлого года. Мы увиделись с ним в Чекчарде, в управлении полиции, и хотели его сфотографировать. Он побледнел как мел: «Нет, нет, это для меня смерть. Моторос и его мафия...»

Моторос был в отъезде, когда Шандор привез девчонок назад в Батачек. «Пожалел», — говорит он.

Моторос еще на свободе. Его настоящее имя: Йозеф Саркёзи. Приметы преступника: 31 год, рост примерно 1 метр 70 см, коренастый, агрессивный, крайне опасен. В Германию въехал под именем Кароли Барбай. Возможна очередная смена имени. В Венгрии приговорен к 4 годам тюрьмы: разбой и несколько краж. С момента вынесения приговора в бегах. Разыскивается Интерполом.

Перевела с немецкого Н. ВРУБЛЕВСКАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КУРСЫ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ «ИН-ЯЗ» МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ приглашают на отделения английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков. Принимаются граждане России с образованием **НЕ МЕНЕЕ 8 КЛАССОВ**. Срок обучения — один, два, три курса (по выбору). **ОБУЧЕНИЕ ПЛАТНОЕ.**

Высылаемые учебные пособия и пластинки помогают самостоятельно выработать хорошее произношение, научиться говорить и воспринимать иностранную речь на слух, читать оригинальную литературу, познакомиться с основами теории и практики перевода.

ПРИЕМ НА I (НАЧАЛЬНЫЙ) КУРС — без экзамена.

ПРИЕМ НА II — III КУРСЫ — по результатам экзамена. Текст экзаменационной работы высылается по Вашей просьбе **БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ**. Проверка работы оплачивается отдельно.

Зачисление производится по получении заявления с анкетными данными: Ф.И.О., год рождения, образование, специальность, домашний адрес с индексом и квитанции об оплате или копии платежного поручения, датированных не позднее 30 июня 1993 года.

Выпускники каждого курса получают следующие документы: после сдачи письменного экзамена — **СПРАВКУ**, после сдачи устного экзамена — **СВИДЕТЕЛЬСТВО**.

Оплата за один курс обучения (12 месяцев со дня высылки учебного материала) для поступивших до 1 июля 1993 г.: 12000 руб. — для частных лиц, 16000 руб. — для организаций (по безналичному расчету).

В дальнейшем оплата может увеличиваться с учетом инфляции.

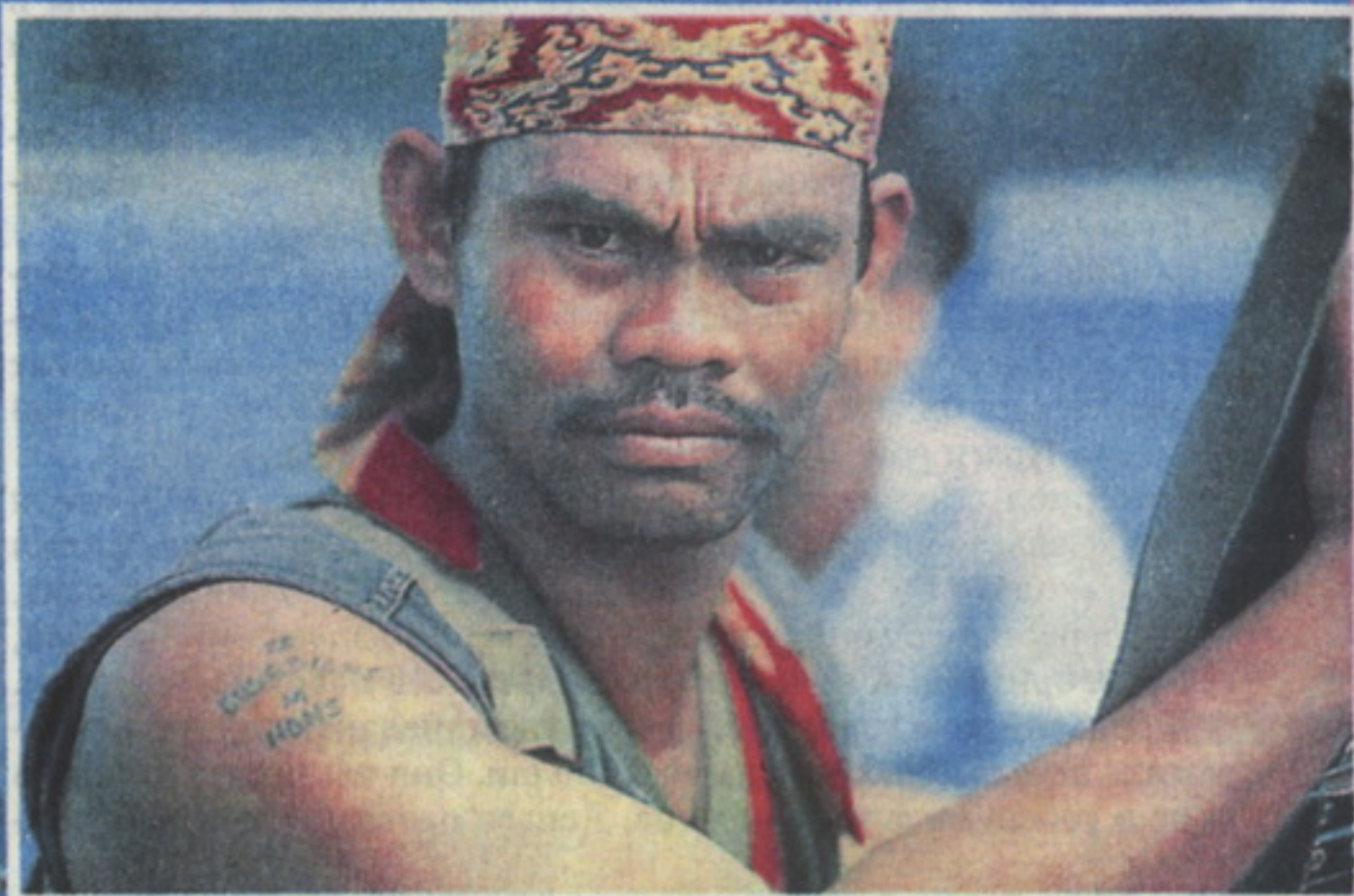
УЧЕБНУЮ ПЛАТУ ОТПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ: 121861, Москва, Б. Дорогомиловская ул., 7/2, Госкурсы «ИН-ЯЗ». Расчетный счет 609202 в Киевском отделении МББ г. Москвы, МФО 201832. **ПРИ ОТКАЗЕ ОТ ЗАНЯТИЙ УЧЕБНАЯ ПЛАТА НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ.** Контактный телефон: (095) 240-01-54.

«Условия приема» высылаются бесплатно при наличии конверта с Вашим домашним адресом.

Дирекция Госкурсов «ИН-ЯЗ»

ПИРАТЫ

Адриано БОТТА,
итальянский журналист

«С пленными мы поступаем по-своему. Подвешиваем за ноги, как бараньи туши. Через полчаса они мертвы. Мы отрезаем им уши, потому что уши очень вкусные», — говорит Юнг-Юнг, который живет на одном из островов моря Сулу, входящем в Филиппинский архипелаг. Юнг-Юнг принадлежит к тому особому типу людей, которым нравится убивать. «Поэтому, — объясняет он, — я и стал телохранителем одного важного босса». Юнг-Юнг хорошо знаком с пиратами, терроризирующими суда в Южно-Китайском море, однажды даже принимал участие в их экспедиции. «Мы напали на большой рыбацкий корабль. Забрали все: деньги, улов и мотор. Убили всех, чтобы не оставлять свидетелей».

Пираты? Казалось бы, флибустьеры давно отошли в прошлое, но они и сегодня промышляют в разных частях света, там, где есть оживленные морские пути и нет полиции: в окрестностях полуострова Малакка, в водах Западной Африки, в Красном море. В Карибском море корсары даже осмелились ходить под черным пиратским флагом с черепом и костями, правда, тут американская береговая охрана не дает им покоя.

Другое дело — море Сулу, вот где настоящий рай для пиратов. На островах правят коррумпированные заместники, а полиция

предпочитает набивать карманы взятками, чем умирать героями под пулями местной мафии. Почти все пираты здесь — из мусульманского племени тосугов, всегда отличавшихся воинственностью и невежеством. Когда-то они занимались работоторговлей, продавая девушек на Борнео и на Яву, но потом на Филиппины пришли американцы и запретили это ремесло. Тогда тосуги полностью посвятили себя пиратству.

В пираты подаются все те, кому грозит тюрьма или кровная месть. Полиция их не задерживает, так как у уголовников всегда находятся могущественные покровители. Кроме того, банды пиратов взяли на себя роль местной милиции: по приказу властей они охотно уберут любого, кто нарушает спокойствие в здешнем тропическом рае.

«Местные власти не признают существования пиратов. Все они подкуплены мафией, — говорит Пилар, смелая женщина, которая защищает пострадавших от бандитов. — На острове Тавитави я сама видела убитых пиратами. Примерно пять десятков трупов за три месяца. Местный капо запретил мне взять лодку, чтобы выловить из моря мертвецов». Пилар очень рискует: в здешних краях действует закон омерты*, мало кто осмеливается его нарушать.

Однажды пираты Сулу, бравирова безнаказанностью, заплыли аж в бухту Манилы и напали на австралийское судно, стоявшее на якоре всего в двухстах метрах от столич-

ного яхт-клуба. «Мы как раз закончили ужинать, — вспоминает владелец яхты Питер, — когда на палубе появились пираты. Правда, полиция прибыла вовремя, и пиратов арестовали, но все имущество, которое они захватили, мне так и не вернули».

По данным Международного морского агентства, созданного для борьбы с бандитизмом на море, за последние десять лет на торговые суда совершено более тысячи пиратских нападений, многие тысячи человек, моряки и пассажиры, погибли, убытки составили сотни миллионов долларов.

Английская страховая компания «Ллойд» даже организовала специальное «антипиратское» сыскное агентство для выяснения судьбы застрахованных судов и грузов, которое возглавил бывший детектив Скотланд-Ярда Джон Спиарс. «Поражают компетенция и наглость пиратов», — заявил он вскоре после того, как приступил к работе. Оказалось, пираты организованы в крупные преступные сети на манер мафии.

У пиратов есть свои осведомители в портах. Флибустьеры располагают полными списками товаров, погружаемых на суда от Джакарты до Тайбэя и Сингапура, информация поступает по телефону или по фак-

* Дословно — закон молчания, действующий в сицилийской мафии: тот, кто выдаст секреты мафии или даст показания против нее, обречен на смерть. — Прим. ред.

су, сообщаются даты выхода судов и порты назначения. Награбленные богатства оседают в закромах «Триады» Гонконга. Существует отлаженная система, как заработать два-три миллиона в считанные часы. Ограбленное пиратами судно поступает в распоряжение «заинтересованного лица», перекрашивается, меняется название, документы. Всем известна одиссея панамского судна «Исла Лузон», подвергнувшегося пиратскому нападению в открытом море в окрестностях филиппинского острова Минданао. Через несколько дней оно оказалось в трехстах милях оттуда, у острова Палаван, а через неделю — у берегов Тайваня под другим названием и с новым хозяином. Товар на пять миллионов долларов бесследно исчез.

Флибустьеры с архипелага Сулу знают свое дело: они разделены на отряды от пяти до двадцати человек, в основном из молодежи, атакуют суда на быстроходных катерах, вооружены до зубов, используют радиацию и радары, заглушающие полицейскую частоту. Абордаж начинается с двух предупредительных выстрелов в воздух. Если в ответ решительно отстреливаются, пираты разворачиваются и уходят к одному из вулканических островов. Они предпочитают не рисковать: в море достаточно судов, не оказывающих никакого сопротивления.

Для пиратов любая добыча хороша, они

берут не только деньги и драгоценности, но и пойманную рыбаками рыбу, снимают моторы с их лодок. Пленные должны стойко терпеть, пока их грабят. Малейшее неверное движение — смерть. Пользуясь полной безнаказанностью, пираты часто убивают пленных, насилюют женщин и скармливают их потом акулам.

«Губернатору известно, чем мы занимаемся, но он мне не мешает, — гордо заявляет Джерри, вожак пиратов и одновременно начальник милиции острова Холо. — Он нуждается в моих услугах и снабжает нас оружием и боеприпасами». В подчинении Джерри три десятка пиратов. Чтобы стать капо, ему пришлось пройти тест на жестокость. «Я отрезал голову пирату, который надоедал моим родственникам, — рассказывает Джерри. — Потом показал его голову как трофей всей нашей деревне».

У Джерри есть соперник — Ханс, его правая рука. «Ненавижу пленных, — говорит Ханс. — Я всегда отправляю их на тот свет». Ханс понимает, что почему: если он убьет Джерри, то сам станет капо. Или же Джерри, опасаясь соперника, убьет его. Таков тут закон. Но у пиратов свои странности. Убийца Ханс очень религиозен, каждый день посещает мечеть. «Аллаху угодно, чтобы я больше молился, я должен искупить свои грехи. После молитвы я чувствую себя очищенным».

Банда Джерри проводит дни в открытом

море в ожидании очередной жертвы. Едва на горизонте появляется какое-нибудь судно, пиратские катера срываются с места. В тот день, когда пираты взяли меня с собой на дело, им удалось захватить три грузовых судна. Они терроризировали и избивали пассажиров и матросов, но в итоге высадили всех на необитаемом острове. На сей раз они довольствовались только добычей — золотые часы, драгоценности, деньги, товары. Обычно пираты не столь милосердны, но Джерри хотелось произвести хорошее впечатление на журналиста, поэтому никого не убили и не изнасиловали.

Чоки — самый юный член банды Джерри. Ему тринадцать, большие уши, с виду самый обычный мальчишка. Его отец был убит бандитами. «Для меня вендетта — идея фикс. Я даже не пошел в школу. Я хочу сражаться и убивать. Даже после того, как я убью своих врагов, я не остановлюсь. Я всегда буду пиратом и буду убивать без жалости. Это единственный закон здесь на море, и он самый сильный».

Перевел с итальянского
В. ГАВРИЛОВ

СЛОВЕСНОЕ ДЗЮДО, ИЛИ КАК ИЗБЕЖАТЬ ДРАКИ

Наш мир — это, конечно, не бетонные джунгли (как любили говорить писатели-социалисты), однако припомните, парни, сколько раз вам приходилось зализывать раны и сколько боевых песен вы исторгли сами и выслушали от своих друзей — впрочем, заметили ли вы, что в этих песнях нет куплетов о том, как на самом деле было страшно и больно?

Многие уверяют, что дерутся только тогда, когда их вынуждают драться. И столь же многих удается вызвать на драку за время куда меньшее, чем потребовалось бы, к примеру, чтобы прочесть данное предложение. Передохните минутку, опустите кулаки и прочтите следующее: я знаю человека, который утверждает, что в 98 процентах драки можно избежать, если следовать нескольким простым правилам. Человека этого зовут Джордж Томпсон, он бывший преподаватель литературы, сейчас работает полицейским, к тому же он уже двадцать пять лет занимается боевыми искусствами. Так вот, он разработал метод, именуемый «словесным дзюдо».

«Что главное в восточных боевых искусствах? — задает вопрос Джордж Томпсон и сам же на него отвечает: — То, что они основаны не на тупом противостоянии или конфронтации, а на разумной уступке. Если противник наступает, ты отступаешь и внимательно следишь за его действиями — ты побеждаешь тогда, когда успеваешь подловить его на его же ошибке. И в проигрыше зачастую остается тот, кто наносит удар первым». Добавлю от себя: зубы по третьему разу не вырастают...

Что главное в словесном дзюдо? Суметь изменить агрессивное поведение противника, направить его мысли по другому руслу, используя правильные слова и правильное выражение лица. И прежде всего надо самому хранить спокойствие — потому что в словесном дзюдо, как и в восточных боевых искусствах, противник получает власть над тобою тогда, когда ему удается вывести тебя из равновесия.

Приведу пример из личной жизни. В детстве я обожаю швырять камни в осиные гнезда, и когда рассерженный рой вылетал на поиски агрессора, удирал во все лопатки. Когда рой успокаивался и возвращался в гнездо, я тоже возвращался под дерево и продолжал свою деятельность. И знаете, почему? Потому что мне ужасно нравилось грозное гудение, а также то, что я в силах перехитрить целый

рой. Идиотская забава? Несомненно. Но неужто вы, парни, желаете уподобляться этим дурам-осам, которых удавалось провести семилетнему пацану?

Конечно, иногда приходится подражаться ради того, чтобы защитить то, что действительно для тебя важно. Например, девушку. Но разве стоит драки словечко, пущенное тебе в спину абсолютно незнакомым человеком, чье мнение для тебя совершенно ничего не значит? Учти: настоящая мужская реакция и настоящее мужское поведение — это когда ты в ответ на идиотское поведение не желаешь вести себя как идиот. Как учит Джордж Томпсон, ничто так не пугает агрессора, как твое полное спокойствие: люди, ведущие себя спокойно в самых, казалось бы, тяжелых ситуациях, вызывают уважение — и, между прочим, страх. Так что учись выдержке, даже если тебе на самом деле страшно до смерти!

Практический курс словесного дзюдо с примерами

1. НЕЙТ РЕЙНХАРД, 15 лет, пров. Новая Шотландия, Канада: «Наша команда проиграла в футбол, и парень из команды противника начал выкрикивать оскорбления. Потом еще один их парень толкнул моего приятеля Брэда, я вмешался... Короче, состоялась большая драка. Я разбил этому типу нос, а мне разбили губу, и тренер сказал: еще раз — и я вылету из команды».

Марк ЛЬЮМЕН,
американский
журналист

Метод словесного дзюдо: надо было сказать тому первому задире: «Слушай, это всего лишь футбол... Вы играли здорово, выиграли.

Чего еще вам надо? Конец истории».

2. БРАЙАН НЭШ, 18 лет, шт. Огайо, США: «На каникулы мы отправились в соседний городок, и там к нам привязалась группа подвыпивших парней. Трое моих друзей просто отправились дальше, а я стал спорить, и меня поколотили. Правда, не сильно — те-то были пьяные. Друзья думали, что я иду за ними, и поэтому не вмешались».

Метод словесного дзюдо: пьяные — народ упрямый, к тому же ты оказался в чужом окружении. Надо было не отвечать на их словечки, а просто спросить, почему они хотят драться, пусть аргументируют. Это чудесный метод: пьяные не только упрямые, но и тупые. Они бы просто запутались в аргументах, а ты бы успел убежать: какой смысл отстаивать свое мужское «я» среди придурков?

3. РОБЕРТ БУХХОЛЬЦ, 20 лет, шт. Иллинойс, США: «Это случилось, когда я учился в старшем классе школы. Мы играли в спортзале в софтбол, и у нас в команде был ужасно тощий и неуклюжий парень. Я начал его дразнить, а он сказал: «Почему бы тебе не заткнуться?», но я продолжал, и тогда он стукнул меня. Я припечатал его об стену, он встал и убежал. Он выглядел очень глупо».

Метод словесного дзюдо: на самом деле глупо выглядел ты. Когда кто-то просит тебя заткнуться и оставить его в покое, лучше заткнуться и оставить в покое — настоящий мужчина всегда находит в себе силы стать на место другого и понять его чувства.

4. КЕННИ УИЛЬЯМС, 13 лет, шт. Мэриленд, США: «После уроков один тип начал приставать к моей девочке, мы с ним подрались. Я разбил ему нос, а он мне — подбородок».

Метод словесного дзюдо: если кто-то цепляется к твоей девушке, лучше сказать нахалу, что ты не хочешь проблем, взять девушку и уйти. В этом куда больше чести, чем в тупой драке, к тому же девушки больше ценят тех, кто может разрешать проблемы с достоинством, не прибегая к насилию. Запомни: хорошие девушки вообще драк не любят. Не хочешь же ты сказать, что связался с какой-то поганкой?

Перевела с английского **Н. РУДНИЦКАЯ**

NYRO, LAURA. Лора Ниро, род. 12 декабря 1947 г. в Нью-Йорке. Амер. певица, композитор.

Л. Н. воспитывалась в итальяно-еврейской семье, очень рано приобщилась к джазу (ее отец играл в джаз-бэнде на трубе) и поступила в Высшую школу музыки и живописи на Манхэттане. В 1967 г. довольно успешно выступила на поп-фестивале в Монтери, — это был второй концерт в ее жизни, и публика поначалу скептически отнеслась к сценическому имиджу Л.Н.: падший ангел с одним крылом, черный грим; вдобавок она исполняла песни соул из репертуара черных музыкантов.

Концерт в Монтери Л.Н. восприняла как неудачу и после этого почти не гастролировала. Дебютный альб. певицы никто не заметил, однако молодой менеджер Дэвид Геффен сумел добиться для Л.Н. контракта с фирмой Columbia, где вышел ее второй диск, который продюсировал Чарли Каллелло (экс-«Four Season»). Эта и следующая пл. получили хорошие рецензии в муз. прессе, главным образом за счет отличных стихов и органичного слияния госпел с соул. Л. Н. приобрела популярность как «весьма странная певица с низким проникновенным голосом, тяготеющая к ритмическим несурразностям», — писал журнал Rolling Stone.

Второй и третий альб. сделали Л. Н. культовой фигурой США, ее мощные социально ориентированные баллады неизменно привлекали хиппи, но успех ее был прежде всего успехом композиторским: альб. Л. Н. редко реализовывались тиражом более 400 тысяч. Коммерчески удачными получились песни «Stoned Soul Picnic», «Sweet Blindness» и «Wedding Bell Blues», которые Л. Н. написала для «Fifth Dimension», композиция «Stoney End» в исполнении Барбры Стрейзанд попала в амер. хит-парад; кроме того Л. Н. писала для «Blood, Sweat And Tears» («And When I Die») и «Three Dog Night» («Eli's Coming»).

Л. Н. выпустила еще два успешных диска (на «Gonna Take A Miracle» в записи принимала участие вокальная группа «Labelle») и в возрасте 24 лет «удалилась на покой». Фирма Columbia переиздала первый альб. певицы в 1973 г., но до 1975 г. Л. Н. не записывала нового материала. Альб. «Smile» получил хвалебные рецензии специалистов, однако продавался крайне плохо. То же произошло и со всеми последующими дисками Л. Н.: восторги музыковедов и полное отсутствие интереса у слушателей. Последний студийный альб. певицы, выпущенный в 1984 г., продюсировал Тодд Рандгрэн, но даже содействие такого мастера не повлияло на коммерческий успех. С тех пор Л. Н. практически забросила музыку, но сборники ее стихов по-прежнему пользуются успехом.

Пл.: More Than A New Discovery, 1966 (в 1973 г. переиздана под названием The First Songs); Eli And The Thirteenth Confession, 1968; New York Tendaberry, 1969; Christmas And The Beads Of Sweat, 1970; Gonna Take A Miracle, 1971; Smile, 1975; Season Of Light, 1977 (Live LP); Nested, 1978; Impressions, 1980 (сборник); Mother's Spiritual, 1984.

«OBITUARY». («Обитьюэри»), группа «Некролог» образовалась в 1985 г. в США. Исходный состав: Джон Тарди, вок.; Доналд Тарди, уд.; Мел Такер, бас; Алэн Уэст, гит.; Тревор Пэрис, гит.

«О.» оставалась в тени до 1989 г., когда музыкантам удалось записать первый альб. и серьезно заявить о себе на рынке дэт-метал. Наибольшее впечатление производил сильный и хриплый голос вокалиста Тарди (в 1986 г. «О.» записала сингл, но реализация его была очень неудачной). Последовал контракт с «металлической» фирмой Roadrunner, но после записи дебютного диска из состава вышел бас-гитарист. В январе 1990 г. сбежал соло-гитарист — найти ему замену удалось лишь в самый разгар записи второго диска, который группа уже была решила делать квартетом.

Вышедший в прошлом году третий альб. «О.» может показаться интересным лишь очень ограниченной аудитории по-

клонников агрессивного дэт-метал, серьезные муз. издания ни группу, ни ее продукцию просто не замечают.

Пл.: Slowly We Rot, 1989; Cause Of Death, 1990; The End Complete, 1992. Изменения состава: 1987 — Такер, + Фрэнк Уоткинс, бас; 1990 — Уэст, + Джеймс Мерфи, гит.

OCEAN, BILLY. Билли Оушн. Родился 21 января 1952 г. на Тринидаде. Англ. певец, композитор, аранжировщик.

Родители Б. О. переехали в Восточный Лондон в середине 50-х гг.; в 1971 г. Б. О. вошел в состав ритм-энд-блюз группы «Shades Of Blue», которая выступала в рабочих клубах британской столицы. Спустя год молодой певец начал сольную карьеру и подписал контракт с небольшой фирмой грамзаписи Spark. Занятия музыкой дохода почти не приносили (несмотря на выход нескольких вполне коммерческих сорокапятков), и Б. О. приходилось подрабатывать на сборочном конвейере английского филиала «Форд моторз». Сменив фирму грамзаписи /GTO/, Б. О. записал сингл «Love Really Hurts Without You», который мгновенно занял второе место в англ. хит-параде, уступив лишь миллион-селлеру «Save Your Kisses For Me» группы «Brotherhood of Man» (в США его композиция поднялась до 22-го места). В 1976 г. еще две вещи Б. О. побывали в британском Top 20, а в 1977 г. композиция «Red Light Spells Danger» вновь стала второй.

В конце 1977 г. Б. О. попытался перебраться на фирму CBS, но прежняя фирма не простила предательства и вчинила певцу такой кошмарный иск, что Б. О. пришлось лезть в долги — в результате контракт с CBS был сорван и исполнитель был вынужден фактически начинать все сначала. Лишь в начале 80-х его менеджеру Лори Джей удалось выбить для него контракт с региональной фирмой Jive.

Уже тогда Б. О. решил не делать ставку на альб., а пробиваться исключительно за счет нацеленных на хит-парады синглов, и прежде всего в амер. чартсах. Прорыв на амер. рынок состоялся в 1984 г., когда в качестве автора и аранжировщика Джей пригласил другого уроженца Тринидада, Кита Даймонда, а место продюсера занял знаменитый Мэтт Ландж, завоевавший авторитет в мире рока работами с «AC/DC», «Cars», «Foreigner» и «Def Leppard».

Беспрецедентной оказалась запись и реализация сингла «Queen»: записанная с различными вокальными фонограммами, композиция была одновременно выпущена в Африке («African Queen»), Европе («European Queen») и США («Caribbean Queen») — последний вариант оказался самым удачным и вошел во все хит-парады Америки, от соул до данс-чартсов; в день выпуска было продано более полумиллиона синглов. В результате альб. «Suddenly», куда вошла песня, также стал мегаселлером, а в хит-парадах побывали еще две вещи («Lover Boy» — 2-е место в США, 15-е в Великобритании) и «Suddenly» (15-е место в обеих странах). В 1985 г. состоялось триумфальное турне певца по США, а за песню «Caribbean Queen» ему в том же году была вручена премия «Грэмми» в категории «лучший мужской вокал в стиле ритм-энд-блюз».

В 1986 г. Б. О. занял первые места в США и на родине (в Англии) с композицией «When The Going Get Tough (The Tough Get Going)». В настоящее время певец успешно снимается в кино, лично режиссирует собственные видеоклипы и по-прежнему нацелен исключительно на синглы, которые ему удаются гораздо лучше альб.

Пл.: Night (Feel Like Getting Down), 1979; City Limit, 1980; Inner Feelings, 1982; Suddenly, 1984; Billy Ocean, 1985; Love Zone, 1986; Tear Down These Walls, 1988; Greatest Hits, 1989 (сборник).

OCHS, PHIL. Фил Оукс. Род. 19 декабря 1940 г. в Эль Пасо, Техас, умер 8 апреля 1976 г. в Нью-Йорке. Амер. певец, гитарист, композитор.

Фолк-певец и композитор Ф. О. был очень противоречивым человеком: патриот Америки, он в середине 60-х как никто другой критиковал истеблишмент, одновременно обрушиваясь на хиппи, инфантильность которых, по мнению Ф. О., не приносила конкретных результатов — его внезапные переходы от чистого фольклора к жесткому электрическому саунду также представляются не вполне логичными.

В середине 50-х Ф. О., по семейной традиции, поступил в военную академию в Виргинии, которую очень скоро бросил.

rockette

Изучал журналистику в университете штата Огайо. Музыкальная карьера Ф. О. началась в тюрьме, где он отбывал 15 суток за бродяжничество — там Ф. О. написал свои первые песни и после освобождения присоединился к фолк-дуэту «Singing Socialists», позже сменившему название на «Sundowners». Затем музыкант некоторое время выступал сольно, главным образом в Кливленде и его пригородах, и в 1961 г. окончательно осел в Нью-Йорке. Поселившись в Гринвич Виллидж, Ф. О. стал членом фолк-коммуны, где близко сошелся с Бобом Диланом — кстати, Ф. О. чаще всего сравнивают именно с ним.

К моменту записи дебютного альб. (1964 г.) — ему помогал в студии гитарист Дэнни Кэлб, позже прославившийся в составе «The Blues Project», — Ф. О. был уже сложившимся поэтом, чей стиль характеризовался четкостью образов. Специалисты полагают, что наиболее полно как автор Ф. О. раскрылся во втором диске (1965 г.), — заглавная композиция и песня «Draft Dodger Rag» стали антивоенными гимнами молодежи, а их

Группа «Перл джем» и ее альбом «Ten» стали открытиями 1992 года, и в новом году «Перл джем» вовсе не думает сдаваться, тем более, что близится лето, а с ним — очередной фестиваль «Лоллапалуза». Для начала — о фестивале, который этим летом будет проходить в третий раз. Инициатором его была группа «Джейн'з эддикшн», и главная идея — создать такое музыкальное действо, которое уходило бы к корням рок-фестивалей, с их бескорыстной радостью, шумным весельем и серьезными социальными и политическими целями. «Именно поэтому мы и присоединились к «Лоллапалузе», — говорит вокалист «Перл джем» Эдди Вендер. — Все большие и небольшие фестивали последних лет, даже устраиваемые с благотворительными целями, зачастую собирали людей, совсем не думавших о высоких идеях: для них главное было «засветиться» на таком фестивале. А «Лоллапалуза» возвращает к старым добрым хипповым временам, которые мы не застали».

«Перл джем» — помимо Эдди Вендера в группу входят Майн Макриди и Стоун Госсард, гитары, Джефф Эймент, бас, и Дэйв Аббрузизи, ударные, — была создана в 1987 году в Сан-Диего, хотя и играет музыку, родившуюся в Сиэтле — грандж.

радиотрансляция была запрещена. В этот период Ф. О. активно участвует во всех акциях протеста против политики США. Его композиция «There But For Fortune» в исполнении Джоан Баэз в 1965 г. вошла в национальный Top 50.

Альб. 1967 г. «Pleasure Of The Harbor» продемонстрировал композиторский дар Ф. О. — такие композиции, как «Outside Of A Small Circle Of Friends» и «The Party», имели очень оригинальное мелодическое решение. После выпуска этого диска Ф. О. переехал в Лос-Анджелес, где с помощью сессионных музыкантов и под продюсерством Вэн Дайна Паркса записал рок-н-рольный альб. «Tape From California».

На концерте в Карнеги-холл Ф. О. исполнял свои прославленные хиты, а также попури на темы песен Элвиса Пресли и Бадди Холли; этот концертный альб. был почему-то выпущен только в Канаде. Во время путешествия по Африке (1973 г.) Ф. О. подвергся нападению неизвестных — его чуть не задушили, в результате были серьезно повреждены голосовые связки.

В начале 70-х Ф. О. живет в Африке и Лондоне, время от времени он дает концерты, но голос его уже далек от бывшего качества — в этот период он возвращается к журналистике и пишет для ведущих англ. изданий. В 1974 г. Ф. О. выступает на одной сцене с Б. Диланом — на одном из концертов музыканты предупреждали о готовящемся перевороте в Чили. Последней студийной работой Ф. О. была запись сорокапятки «Here's To The State Of Richard Nixon», посвященной Уотергейту, а последнее концертное выступление состоялось 23 октября 1975 г. Полгода спустя Ф. О. в состоянии жесточайшей депрессии повесился. Посмертный двойной альб. «Chords Of Fame» подготовил к реализации брат Ф. О. Майкл.

Пл.: All The News That's Fit To Sing, 1964; I Ain't Marchin' Anymore, 1965; In Concret, 1966 (Live LP); Pleasure Of The Harbor, 1967; Tape From California, 1968; Rehearsals For Retirement, 1969; Phil Ochs's Greatest Hits, 1969 (сборник); Gunfire At Carnegie Hall, 1971 (Live LP); Chord Of Fame, 1976 (2LP); Phil Ochs — Sings, 1976 (сборник); Interviews, 1976 (сборник + радиointервью); Songs For Broadside N 10, 1976 (сборник); Greatest Hits, 1981 (сборник); A Toast For Those Who Are Gone, 1986 (сборник).

O'CONNOR, HAZEL. Хейзел О'Коннор. Родилась 16 мая 1965 г. в Ковентри, Англия. Певица, композитор, актриса.

После окончания школы Х. О. самостоятельно изучала живопись, одновременно подрабатывая фотомodelью (главным образом для эротических журналов). Жизнь бросала ее из Европы в Северную Африку, некоторое время она работала в Японии, где совмещала профессию танцовщицы в ночном клубе с преподаванием англ. языка в закрытом пансионе для девочек. Начало муз. карьеры совпало со взрывом панк-рока; в 1978 г. Х. О. подписала контракт с небольшой фирмой Albion Records. Первые синглы успеха не имели, однако съемки в фильме «Breaking Glass» (1980 г.), где она сыграла роль амбициозной рокерши, выдвинули Х. О. на ведущие позиции в панк-мире. Следом за картиной ее сингл «Eight Day» вошел в британский Top 5, а «Give Me An Inch» — в Top 10. Альбом-фонограмма (все вещи написала сама Х. О.) «Breaking Glass» стал «золотым», а Х. О. получила приз журнала Variety как лучшая актриса года.

В 1980 г. Х. О. записала альб. «Sons And Lovers», в записи принимала участие группа «Megahype»: Эд Кейз, уд.; Энди Кьюнта, перкуссия; Уззли Мэгугэн, сакс.; Нил О'Коннор (брат певицы), гит.; и сессионные бас-гитаристы. Диск в чарты не попал, но сингл «D-Days» вновь вошел в англ. Top 10. Альб. 1981 г. мелькнул в хит-парадах, а сингл «Will You» занял в таблицах популярности 8-е место, — к этому моменту в составе группы появился постоянный бас-гитарист Стив Кинч.

В 1982 г., после смены менеджмента и фирмы грамзаписи, «Megahype» распалась. В конце того же года Х. О. устроила благотворительный тур по клубам Манчестера, дала большой сольный концерт в Лидсе, но муз. активность ее была все же ограниченной в связи с работой в театре и съемками в телесериале «Jangles». В середине 1983 г. О. Х. и брат вновь начали работу в студии, но серьезного контракта получить не удалось, хотя фирма RCA согласилась на выпуск одного диска.

В настоящее время Х. О. полностью отдает себя театру и кинематографу (в середине 80-х она сыграла в нескольких голливудских фильмах), и трудно рассчитывать на ее возвращение в «большой рок», хотя талант у этой исполнительницы несомненный.

Пл.: Breaking Glass, 1980 (и фильму); Sons And Lovers, 1980; Cover Plus, 1981; Smile, 1984; Hits And Shits, 1989 (сборник).

РОК ВНЕ ОЧЕРЕДИ

PEARL JAM

ПРОСТО ПРОСТ

В. СИМОНОВ

Пилоты в гонке со смертью, которая носит сухое название «Формула-1», наверняка смотрят на зрителей, как гладиаторы на толпу. Толпа ждет момента, когда ревуший, летящий по параболе трассы со скоростью 300 километров в час снаряд потеряет управление, подпрыгнет как мяч и превратится в огненный шар... Если в телевизоре выключить звук, чтобы не слышать надрывающихся воплей идущих на обгон машин, картинка гонки будет безобидной: снуют по змеистой дороге узкие яркие авто, из которых торчат разноцветные шарики — шлемы пилотов. Иллюзия игры — машинки с пластмассовыми человечками внутри. Но мы, конечно, знаем (теоретически), что сейчас у пилотов нервы на пределе, и лишь тот, кто не задумываясь рискнет жизнью, может стать чемпионом — если повезет остаться в живых.

Мы знаем это по великому фильму «Гран-при» с Марлоном Брандо в роли чемпиона «Формулы-1». Когда чемпиона спрашивают, в чем секрет его побед, он отвечает: «На повороте все жмут на тормоз, а я — на газ». В течение двух серий гонщики-смертники празднуют победы, поливая друг друга из огромных бутылей с шампанским, — и погибают, как на войне. Трагический конец фильма: обгоревший труп свисает с дерева, куда его зашвырнуло взрывом. Герой не вписался в поворот.

...Закрывать глаза, ухнуть со скалы в воду, залезть на высокое дерево, лететь на крыше электропоезда... Можно перебороть в себе страх и доказать другим мальчишкам, что ты чего-то стоишь. Мы воспитаны на героических мифах и, если не рискуем, отказываем себе в самоуважении. Смертельный риск — акт мужества — как вспышка молнии. Муравьи, занятые бесконечной работой, не в счет. Только герой имеет значение. Хотя человеческий опыт доказывает, что успеха (в любом деле) добьется лишь тот, кто умеет побеждать всеильные мелочи, но миф оказывается сильнее жизни...

«Детали определяют, кто станет чемпионом», — говорит реальный чемпион мира в гонках «Формулы-1» Ален Прост. На персонаж Брандо он не похож. Маленький, щуплый, задумчивый, черные вьющиеся волосы, криво высеченный, как клюв хищной птицы, нос. Среди гонщиков у него кличка — Профессор. Педантичен до занудства, влезает во все — от состояния дорожного покрытия трассы до стиля руководства менеджеров, — всегда сам инспектирует наладку узлов двигателя или просто берет в руки гаечный ключ, вечно что-то изобретает, разрабатывает, меняет, улучшает, пробует; не-

многословен, терпелив: подготовка машины для Проста уже соревнования, может быть, главная их часть. Пилот и машина — это кентавр. Машина — его тело на трассе и, как тело спортсмена, должна быть послушной, способной выдерживать любые физические нагрузки; он — ее мозг, ее воля.

Прост переделывает дизайн салона, ни одна мелочь не должна мешать: изгиб кресла, положение щитка приборов, педаль газа, руль. Однажды он сконструировал совсем особый руль — «секретное оружие Проста», так окрестил изобретение французский журнал «Пари-матч»: вместо ручки передач служил крохотный рычажок, вмонтированный в руль под правый указательный палец. Теперь в те моменты (как правило, самые важные и опасные — поворот, резкое сужение прохода, обгон), когда он переключал скорость, ему не требовалось снимать правую руку с руля, достаточно было шевельнуть пальцем.

Упрямый, настойчивый коротышка, гнет свое — он крепкий орешек, о который ломали зубы все спортивные начальники. С ним обязаны считаться: трехкратный чемпион мира, обладатель четырех десятков Больших Призов, он вошел в историю «Формулы-1» за фантастический талант набирать очки. Тут он абсолютный рекордсмен, умеет использовать любой промах соперника, риску противопоставляет расчет, кресло пилота в летящем снаряде для него самое спокойное место на свете, где он как в барокамере отстраняется от суеты и напряжения человеческих отношений, полностью становится самим собой. Он явно не камикадзе, главным качеством пилота считает способность думать, для него автогонка подобна шахматам, с той разницей, что думать нужно куда быстрее — мгновенно; «Формула-1» прежде всего спорт, его раздражают те, кто видят в соревнованиях моторизованную версию боев гладиаторов, он одинок среди гонщиков, которые сегодня, может быть, даже сильнее, чем зрители, верят, что чемпионом в этом спорте для самых настоящих мужчин может стать только тот, кто готов ради победы на смерть.

В 89-м, когда Прост завоеует титул чемпиона мира в третий раз, главный соперник Айртон Сенна не признает победу и назовет его мошенником. Похоже, времена джентльменов в спорте прошли. «В «Формуле-1» мы живем в абсолютном эгоизме, здесь каждый сам за себя, — говорит Прост. — Жаль, десять лет назад, когда я дебютировал в гонках, пилоты дружили, встречались, обедали вместе...»

Как-то он спросил одного из пило-

тов, почему тот никогда с ним не здоровается. «Я не хочу ни с кем никаких отношений, — ответил пилот. — Это помешало бы мне бороться. Я должен быть агрессивным». Какая там вежливость! Часто пилоты ведут себя как в дешевом кинобоевике, обмениваясь ругательствами и презрительными жестами. Правда, и сам Прост никогда не подаст руки — у него мания чистоплотности, — не отличается общительностью, слишком замкнут и молчалив, но не в этом дело: Прост настаивает всего лишь на взаимном уважении в таком смертельно опасном спорте, как автогонки. Ненависть между соперниками неразумна. «Мы все балансируем на трапеции в одном цирке».

Когда в команду «Макларен-Хонда» приходит молодой бразилец Айртон Сенна, Прост, уже дважды чемпион мира, становится его наставником. Бразилец ему явно нравится: «Пилот высочайшего класса. Я не рискну искать в нем недостатки». Чемпион хочет подружиться с напарником, приглашает к себе домой, знакомит с женой. Все идет хорошо. Но Сенна бредит чемпионским титулом. Быть чемпионом — смысл его существования. Хорошие отношения с Простом начинают ему мешать.

Прост продолжает благодушничать, воспринимает рискованные пикировки с Сенной на трассе по-философски: когда-то и для самого Проста стать чемпионом было навязчивой идеей. Он верил, что едва Сенна завоеует титул, болезнь пройдет сама собой, бразилец перестанет изображать из себя камикадзе.

Наконец этот день наступил. Сенна — чемпион. Его поздравляет сам мистер Хонда. В банкетном зале стулья Сенны и Проста стоят таким образом, что они оказываются спиной друг к другу. Проста это не обижает. Во время десерта он встает, кладет руку на плечо Сенны, они разговаривают, смеются. Но им уже никогда не быть друзьями.

Прост ошибался, что, став чемпионом, Сенна излечится от хамского вождения и презрения к соперникам. Бразильца по-прежнему волновало только одно: победа любой ценой.

«Хонда» поставила на бразильца. По мнению японцев у Профессора Проста с его интеллигентским отношением к спорту нет будущего. Будущее принадлежит молодому злему волку Айртону Сенне.

Очень скоро Прост понял, что следующий сезон будет не из легких. Японцы унижали мелочами: вдруг перестали вовремя менять грязные комбинезоны на чистые — дьявольская восточная пытка для чистюли Проста. Стали меньше платить. Его перевоспитывали во «второй номер». Что хуже всего, начался саботаж механиков, все внимание уделявших машине бразильца. Они отказывались выполнять просьбы Проста — лишь кивали и молча улыбались.

Сенна обходил его по прямой. В виртуозности вождения бразилец не уступал французу. Делал повороты, пусть с большей долей риска, зато всего в сантиметре от края (Прост — в трех сантиметрах). Мелочь? После семидесяти восьми поворотов на трассе в Монако — это секунды. Сенна оказался в явном преимуществе.

Но едва начался чемпионат 89-го, как Прост победил в Испании и Португалии. Тут же пошли слухи, что по старой дружбе с начальством Просту досталась машина лучше, чем бразильцу. Так сильна вера в низость человеческой природы: естественно, опытный Прост смошенничал, испугавшись сильного молодого соперника. Его, Проста, который всегда требовал соблюдения правил игры, называли нечестным игроком! «Не стать чемпионом для меня не катастрофа. Но стать жертвой несправедливости для меня невыносимая драма», — скажет он потом, когда все закончится и, в третий раз завоевав чемпионский титул, Прост попросит не напоминать ему про эти самые невыносимые в его жизни соревнования.

Они шли нос в нос. Сенна безумно рисковал. Прост набирал очки, победа доставалась то французу, то бразильцу. В Имоле бешеное соперничество Сенны и Проста чуть не стоило жизни австрийскому гонщику Герхарду Бергеру: его автомобиль потерял передний элерон и на скорости 300 километров в час влетел в барьер безопасности. Бергер чудом остался жив. Всего за 7 секунд до взрыва спасатели вытащили потерявшего сознание гонщика из полыхавшего автомобиля.

Бергера увезла «скорая помощь». Был дан второй старт. Гонка продолжалась. Сенна снова преступил негласный закон: совершив нечестный маневр, подставил Проста на вираже.

В Японии, в Судзуке, за шесть кругов до финиша, видя, что корона ускользает от него, Сенна силой потребовал проход, их машины вот-вот должны были столкнуться... Прост уступил. Сенна пришел первым — и был дисквалифицирован за создание смертельно опасной ситуации. Прост пришел вторым. Большой Приз достался ему. Но публика уже на стороне Сенны, настоящего чемпиона, «пострадавшего из-за сговора» Проста с руководством Международной федерации автогонок.

Грязь. Просту задают вопросы, он отвечает. На следующий день читает, подходит к зеркалу, смотрит на себя: «О ком они пишут? Неужели обо мне?» Прост видит, что угодил в самый центр склоки, которую он хотел бы избежать. Он отказывается верить, что спорт, как Мадридский двор, не может существовать без заговоров и интриг.

3 часа утра. В номере «Хилтона», Аделаида, Австралия, звонит телефон. Звонок из Парижа — во француз-

ской столице пять вечера. Лежа в постели, Прост снимает трубку. Таким заспанным, в голубой пижаме, его и сфотографирует корреспондент «Пари-матч», ворвавшийся в номер сделать исторический снимок. На фотографии Прост выглядит очень довольным: предстояла последняя гонка, а ему не дали выспаться.

Звонил сам президент Международной федерации Баллестр: «Алло, Ален. Ты чемпион! — Президенту как раз сообщили результаты гонок: по сумме очков Прост стал недостижим для остальных пилотов. Трехкратный чемпион мира! Только он сам знает, каких нервов ему это стоило. Оставалась последняя, ничего не решавшая гонка за Большой Приз Австралии. — Самый лучший подарок, какой можешь мне сделать, — продолжал Баллестр, — в это воскресенье покажи им всем, какой ты пилот».

Подарка не получилось. В день старта зарядил ливень. Прост убеждал организаторов отложить соревнования, но слишком большие деньги были поставлены на карту: билеты, теле-время, реклама спонсоров. «Неужели жизнь человека ничего не стоит? Почему альпинисты из-за снегопада откладывают восхождение, но пилоты должны бессмысленно рисковать жизнью? Если в правилах «Формулы-1» ничего не говорится про погоду, значит нужно обратиться к благоразумию и изменить правила, чтобы они запрещали старт во время сильного дождя», — говорил Прост, но его никто не хотел слушать.

В то дождливое воскресенье в Аделаиде Прост был единственным из двадцати шести пилотов, кто отказался выйти на старт. Стать штрейк-брехером всегда позор. Хотя совершенно ясно: чтобы быть одному против всех, нужно куда больше мужества, чем покориться судьбе.

Он вернулся в отель и наблюдал за гонкой по телевизору. Казалось, на экране ничего особенно не происходило, иногда, правда, машины, как слепые, натыкались на барьер безопасности, крутились, скользили на широченных покрышках, будто на водных лыжах. Только пилот мог понять, какой ад творился на трассе... Прост вспоминает, как в 84-м году предложил Джону Бернару, инженеру «Макларена», сконструировать двухместный автомобиль для «Формулы-1», чтобы пассажир мог почувствовать, что такое профессия гонщика... Нет, зрителю никогда не понять такое.

В то воскресенье Айртон Сенна потерпел аварию. К счастью, без тяжелых последствий. После гонки менеджеры и пилоты заходили в номер Проста, как бы извиняясь, что не поддержали его протест. Один журналист спросил: «Ален, скажи честно, если бы «Гран-при» Австралии все-таки решал судьбу титула чемпиона мира, ты бы и тогда отказался участвовать?» «Да, конечно, — ответил Прост. — Ока-

жите мне честь, поверьте на слово».

Ему предстоит все начать с нуля — Прост переходит в новую команду, в «Феррари», которая в тот сезон выступила хуже всех. «Тем лучше, — заявил Прост, — Команды, хорошо закончившие сезон, потом всю зиму спят. А мы собираемся поработать».

В Италии его принимают с почестями — первые полосы газет, встречи на правительственном уровне, прием у папы римского... На фотографиях Прост в красном фирменном комбинезоне с итальянским флажком на рукаве беседует с механиками и инженерами, смотрит на экраны диагностических приборов, сидит за штурвалом красного сверкающего «феррари». Смысл фотографий патристический: французский чемпион поражен.

Маленький человечек с грустными глазами действительно поражен — настолько плохо обстоят дела в «Феррари». Итальянцы обижаются, но с уважением относятся к «Профессору»,

который выведет их «Феррари» на первое место в мире, потерянное в 79-м году. Работа началась. Как раз здесь он создает свое «секретное оружие» — руль Проста.

«Душа команды» (это его выражение) — главное условие успеха. Под «душой» Прост подразумевает общую работу всех десятков, сотен человек, которые готовят машины к выходу на трассу; ему есть что сказать каждому из них: в самом последнем звене этой цепочки людей, участвующих в успехе или неуспехе соревнований, находится именно он, пилот в узкой летящей машине, из нее ему видно то, что не видит никто... Он требователен, пытается добиться от каждого члена оркестра четкого исполнения своей партии, он хочет гармонии.

Но в работу вмешиваются тифози, журналисты, чиновники. Руководители «Феррари» не принимают ни одного решения, не изучив газеты, чтобы спрогнозировать реакцию публики. Прост с ужасом видит, что де-

тище легендарного Энцо Феррари теперь живет так, словно никому не принадлежит, спортивная команда и 312 человек технического персонала — достояние всей нации!

Дело идет трудно из-за бюрократии: 19 начальников отдают разные приказы, бесконечные согласования, совещания, беседы. Прост теряет время. Его план модернизации «феррари» поддержан техническим директором, но отвергнут коммерческим. Идет дискуссия, побеждает коммерческий директор.

Наконец открытие сезона. Снова склока, подножки, нервы. Напарник Проста — английский чемпион Найджел Мэнселл. Как и Сенна, он придерживается агрессивного стиля, не считает нечестным пикироваться на трассе с товарищем по команде. В борьбе за «Гран-при» Португалии подло припирает Проста к стене. Снова два петуха в одном курятнике.

Снова оскорбления в трусости. На вопрос о своем партнере по команде

Мэнселл отвечает: «Ему не хватает мужества». Сенна угрожает: «Если Просту удастся выйти вперед, на первом же вираже я вкочую его в стену. В его интересах не высовываться».

Когда же Просту задали вопрос, что он думает по поводу всех этих обвинений в трусости, он ответил: «Мне все равно. Философия «настоящих мужчин» самая гадкая и глупая из всех, что существуют. Она провоцирует войны. «Если ты мужчина — сделай это». Но есть разница между спортом и добровольным превращением себя в самоубийцу. Мне же говорят: «Если ты боишься, бросай гонки». Я не боюсь, но я хочу заниматься спортом, у которого есть правила, жаль, что к ним ни у кого не осталось уважения».

В тот сезон 90-го Прост завоевал пять Больших Призов, но в мировом зачете был вторым. Надежды итальянцев не оправдались. От освещенной вспышками юпитеров любви они перешли к брани, тифози показывали Просту оскорбительные жесты, начальство смотрело свысока.

Потом черная дыра. Об отношениях Проста с руководством «Феррари» можно судить по его фразе, процитированной всеми: «Феррари» не достойна быть чемпионом». Кошмарный 91-й. У Проста ни одной победы. Он обзывает «феррари» — символ и гордость Италии! — «грузовиком» и хлопает дверью. Всем ясно: чемпион сломался.

Прост вернулся домой, в свой большой особняк в Йене, Швейцария, где живет с женой Анной-Мари и двумя сыновьями — Николя и Сашей. Десять лет ничего, кроме аэропортов, мастерских и гостиниц. Он заслужил комфорт. Пусть отдыхает, приглашает друзей (среди них Ален Делон и Жан-Поль Бельмондо), займется любимыми развлечениями — теннис, лыжи и гольф, — коллекционирует часы, ездит по свету — не как пилот, а как турист, прогуливаясь, глядя по сторонам...

Прошел год. Вдруг, к удивлению всех, Прост подписывает новый контракт и вступает в команду «Уильямс-Рено». «Я бы никогда не пошел в эту команду, если бы не видел такого желания работать вместе со мной». Прост снова надеется создать слаженный оркестр.

Зачем ему снова все это? Ведь он богат, деньги вложены надежно. Хочет удовлетворить оскорбленное самолюбие чемпиона? А может быть, Прост и есть тот последний из магикиан: уйдет он, и с ним уйдут из «Формулы-1» благородные традиции честной спортивной борьбы? Профессор все еще пытается доказать преимущество разума над безумием? В который раз в безумной истории людей?

МЫ НИКОГДА НЕ ПИСАЛИ НЕКРОЛОГОВ, да и сейчас не будем этого делать, потому что Джон Беркс Гиллеспи по прозвищу Диззи не умер — его труба звучит по-прежнему. «Для музыканта очень важно помнить об ушедшем», — говорил Дюк Эллингтон, и мы напоминаем вам о Диззи Гиллеспи. Вам, не только музыкантам, а всем, кто больше всего ценит свободу человеческой личности.

Мир простился с великим черным человеком, родившимся в 1917 году и на протяжении семидесяти шести лет дававшим свободу музыке и душам людей. Слушайте джаз сегодня, он возвращается к молодым. «Блюз — это когда хорошему человеку плохо», — сказал один старый негр. Вы ведь хорошие люди, правда?

ХИППУЕМ, БРАТЦЫ! И сестрицы тоже. Тряхните мамин чемаданы: вот они, знаменитые «клеши», которыми родители ваши подметали улицы, чтобы хоть чем-то, да досадить своим родителям. То есть вашим бабушкам и дедушкам. Вот пышные береты и псевдовосточные кафтаны. Вот бесконечные ряды бус, майки, выкрашенные в психоделические цвета, ботинки на «платформах», с которых легко падать, но в которых ужасно трудно ходить. Но придется — мода есть мода. Отступников не терпит.

Да, кстати, одна немаловажная деталь: традиционное для хиппи отсутствие агрессивности. Снова в моде любовь, добрые улыбки и мир. И музыка тех времен. Чтобы не отстать от моды, с этого номера мы начинаем публикацию книги о Джиме Моррисоне — кумире хиппи всех времен и народов.

КОШКИ ГУЛЯЮТ САМИ ПО СЕБЕ, однако маршрут этих «Кошек» — знаменитого мюзикла Эндрю Ллойда Уэббера — выверен до сантиметра. Известно, что Великий Путь мюзиклов всегда начинался на Бродвее, но за последние двадцать лет направление изменилось: все самые знаменитые мюзиклы были созданы в Лондоне, и уж из театров Уэст-энда переключивались на Бродвей. Так произошло и с «Кошками», и с другими произведениями Уэббера. Американцы загрустили, но в последние пару лет настал черед грусти и для англичан: похоже, столицей мюзикла вновь становится Вена. Вновь, потому что когда-то именно здесь появилась оперетта, прародительница мюзикла. Здесь же создан и последний хит жанра — «Элизабет», уже отправившийся и в Нью-Йорк, и в Лондон.

А Уэббер что? А Уэббер заканчивает новый мюзикл «Бульвар Сансет».

Вы полагаете, именно из-за упрямства иных людей кличут «ослами» и из-за тупости других — «баранами», оскорбляя тем самым ослиное упорство и баранью целеустремленность?

И вовсе не тем иные из нас на них похожи. Да и непохожи вовсе... Потому что на овечьем вегетарианстве такого вот украшения не отразишь, а никакому ослу и в голову не придет нарядить это украшение в веселенькие цвета. Так кто кому брат меньшой — по разуму?

СОБСТВЕННО ГОВОРЯ, ИСПАНСКИЙ МАТАДОР КАМАЧО собирался в очередной раз продемонстрировать почтеннейшей публике свою обычную манеру ведения боя: множество элегантных пируэтов и выпадов. Еще бы — человек ведь хитрее быка! А матадор хитрее публики. Но на этот раз бык поверг в изумление и публику, и матадора. И фотографа, сумевшего остановить мгновение. И редакторов всех журналов мира, опубликовавших этот снимок.

BE MY BABY

I saw you walk down the street
With some other girl Always thought
that
I was the only one in your world
Baby can you tell me so
Out of sight out of mind
Ain't what love ought to be
And I hoped all the time
That you'd be faithful to me
Faithful to me

All I'm asking you for when you walk
out the door
Is to be my Baby, Baby
I just want to be sure
That forever and more
You would be my Baby

Love is just like a flower Baby it his to
grow
And when you are away I'm even loving
you more
I just have to let you know
One in one is the way and that's the way
it should be
So if you're not gonna stay
Then don't be playing with me
You can set me free

All I'm asking you for when you walk
out the door
Is to be my Baby, Baby
'Cause you knew from the start
That you were working my heart
Won't you be my Baby

I remember our walk
The other Saturday night
Sweet harmonies filled
And floated through our minds
Never felt this way before
We were riding so high on love and un-
derstanding
So why go wasting your time
When you have got such a friend
That is everlasting

All I'm asking you for when you walk
out the door
Is to be my Baby, Baby
'Cause all this love is for you and you
know
That I'm true
And I'll be your Baby
And I want you to love me Baby

ПОЛЮБИТЬ ДРАКОНА, а не убить — вот лозунг жизни француженки Николь Вилото. Только этим объясняет Николь тот невиданный результат, которого ей удалось достичь в общении с самыми крупными в мире варанами острова Комодо.

Драконы острова Комодо — отнюдь не безобидные существа, хоть и напоминают видом своих более мелких и мирных сородичей. Не дай Господь попасться им на зубок: они питаются в том числе и падалью, и потому зубы их ядовиты. Однако за полгода жизни рядом с чудовищами Николь смогла добиться того, что они буквально едят у нее из рук и позволяют лечить свои раны.

А что руки у Николь исцарапаны, так в том не драконы повинны: страшнее кошки зверя нет!

В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИДУТ СЕРЬЕЗНЫЕ ДЕБАТЫ по поводу обязательного для королевских судей атрибута — париков. Аргументы сторонников отмены париков колеблются от гигиенических: в париках заводятся разные неприятные насекомые, летом судьи страдают тепловыми ударами (где ж тут холодный разум!), до политических: суд должен стать более эффективным и менее формальным. Аргументы противников отмены просты: сегодня отменим парики, завтра превратим королевский суд в гражданский, а там и до самой монархии доберемся? А ведь нам, британцам, монархия как-то до сих пор не мешала...

Есть еще один серьезный аргумент против отмены: в 1968 году студентам университетов было дано право сдавать выпускные экзамены не в мантиях и академических шапочках, а в цивильном. Так они все норовят сдавать в мантиях и при шапочках!

НИКТО НЕ УЙДЕТ ЖИВЫМ...

Джерри ХОПКИНС
и Дэнни САДЖЕРМЕН

Джим Моррисон уже при жизни стал мифом, живой легендой. Его смерть, окруженная тайной, увенчала легенду, и он занял свое место в пантеоне художников, чей дар и ненасытная жажда жизни сделали невозможным само их существование — он встал в один ряд с Артюром Рембо, Шарлем Бодлером, Диланом Томасом, Джими Хендриком и многими, многими. «Давайте снажем так: я пытался испытать на прочность границы реального. Мне было просто любопытно, что из этого получится. Любопытно — только и всего», — писал Моррисон в 1969 году. Этой книгой авторы не пытались ни внести новые краски в миф о Моррисоне, ни развенчать его. Здесь просто собраны факты. Порою эти факты противоречат легенде, порою неотличимы от выдумки. Но таким был и сам Джим Моррисон.

Один из авторов, Дэнни Саджермен, еще мальчишкой познакомился с группой «Дорз» и стал как бы ее талисманом. Джерри Хопкинс — профессиональный писатель, автор знаменитой книги об Элвисе Пресли «Элвис». И еще: книга «Никто не уйдет живым...» легла в основу известного фильма Оливера Стоуна «The Doors».

Вот, пожалуй, и все. Почему мы сейчас обратились к ней? Нам кажется, что мысли и творчество Джима Моррисона актуальны во все времена, но хорошо бы напомнить о них именно в наше время.

Часть I. Тетива натянута

Однажды в горах возле Альбукерка снег лег особенно глубокий, и Моррисоны — Стив с Кларой — повезли детей кататься на санках. Стив тогда служил на воздушной базе Кертленд в должности старшего помощника командира по «Системе спецвооружения военно-воздушных и военно-морских сил США». Имелось в виду атомное вооружение, предмет тогда еще достаточно таинственный, по крайней мере дома об этом не говорили.

То была зима 1955 года. Джиму Моррисону недавно сровнялось двенадцать. Его сестренке Энни — она уже начала превращаться из толстушки в сорванца — через месяц должно было исполниться девять. Младший, шестилетний Энди, был на вид куда крепче, чем Джим в его возрасте.

Идиллическая зимняя картинка: на заднем плане снежные вершины Сангре де Кристо, на переднем — раскрасневшиеся щечки, темные кудри, выбившиеся из-под теплых шапок, деревянные сани. Снежная пороша, горный ветерок.

Джим усадил Энди впереди, за ним — Энни, сам пристроился сзади. И вот с визгом и воплями они несутся вниз, отталкиваясь ручонками в теплых перчатках.

Все быстрее, быстрее... Впереди вырастает лыжный домик, он неумолимо приближается.

— Надо прыгать! Надо прыгать! — вопит Энди.

Но вывалиться из саней он не может — галоши заклинило передней планкой. Он пытается отодвинуться, чтобы высвободить ногу, но их с Энни крепко держит Джим.

— Прыгаем! Прыгаем!

Вот сани уже в двадцати ярдах от домика, столкновение неизбежно. Энни от ужаса не может пошевелиться, Энди скулит.

Сани пролетают под изгородью, и ниже по склону их перехватывает отец. Дети падают на снег. Энди истерически вопит, Энни рыдает. Джим стоит спокойный, улыбающийся.

— Мы же просто играем! — говорит он.

В феврале 1941 года Стив Моррисон закончил Военно-морскую академию, ускоренный курс — Америка готовила новые кадры офицеров, ибо дальновидным политикам было понятно — мировой войны не избежать. В апреле 1942 года он женился на Кларе, и в декабре 1943 года поколение «детей войны» пополнилось Джеймсом Дугласом Моррисоном. Произошло это в городке Мельбурне, штат Флорида.

Помимо военно-морской, Стив получил еще и летную подготовку и войну провел на авианосце в Тихом океане. Клара с первенцем жила в доме родителей мужа. В этом доме соблюдались строгие правила викторианской эпохи: дети должны быть видны, но не слышны... Не обращай внимания на неприятности, и они пройдут сами собою... Чистота — ступенька к святости... Здесь не пили алкоголя и не курили табака.

Поведение Клары было безупречно. И нетрудно понять ее радость, когда через год после окончания войны, жарким летом 1946 года, Стив вернулся домой.

Военная жизнь сулила частые переезды и разлуки. Семью бросало из конца в конец страны — например, в Альбукерке Моррисоны жили дважды. И в первую их «побывку» там пятилетний Джим пережил то, что позже называл «самым важным моментом в моей жизни». Он ехал с родителями в машине из Санта-Фе и увидел на дороге перевернутый грузовик, возле которого истекали кровью несколько индейцев пуэбло.

Стив остановил машину и вышел посмотреть, чем можно помочь. Отправил еще одного автомобилиста к ближайшему телефону-автомату вызвать «скорую помощь». Джимми наблюдал всю сцену через заднее стекло и заливался слезами.

Стив сел за руль, они уехали, но Джим все никак не мог успокоиться. У него началась истерика.

— Я хочу помочь! Я хочу помочь!..— кричал он.

Клара обняла сына, Стив пытался его успокоить:

— Все будет в порядке, Джимми, все будет в порядке.

— Они умирают! Умирают!

Но отец сказал:

— Это сон, Джимми, в действительности этого не было. Тебе просто приснился плохой сон.

Джим продолжал рыдать.

Много лет спустя Джим говорил друзьям, что когда отцовская машина миновала перекресток, один из индейцев умер и его душа переселилась в тело Джима.

Стив Моррисон уверенно поднимался по ступенькам военной иерархии, и семье приходилось сопровождать его на этом пути. Некоторые уверяют, что отрицательные аспекты частых переездов, лишаящих ребенка чувства надежности, ощущения своих корней, сильно преувеличены. Что ребенок-де компенсирует утраты и нарушение привычного распорядка пестротой и разнообразием новых впечатлений. Но какими бы серьезными ни были аргументы сторонников или противников такого взгляда, несомненно одно: эта проблема существует.

Многие семьи не так уж жаждут заводить новых друзей, прекрасно зная, что через год-два с ними все равно придется прощаться. Другие, напротив, стремятся как можно скорее обжиться на новом месте и доводят и себя, и соседей до нервного истощения, навязывая им свое гостеприимство и требуя ответного. На протяжении многих лет друзьями Стива и Клары были такие же морские офицеры и их жены, и, переезжая с места на место, они расставались, а на какой-нибудь очередной базе встречались вновь. Дети же, как правило, находят друзей в школе, и дети офицеров вынуждены регулярно искать новых друзей.

В свое время Клара и Стив договорились никогда не поднимать руку на детей, а стараться действовать убеждением, разъяснять, в чем дети не правы. Иногда это принимало форму крепкого словесного нагоняя, иногда — форму ледяного молчания.

Как вспоминает Энди, «они прежде всего старались заставить нас плакать. Они говорили нам, что мы действуем неправильно, они говорили нам, почему это неправильно, они говорили нам, почему это неправильно — поступать неправильно. Я всегда держался до последнего, но все равно кончалось ревом. Джимми же в результате научился не плакать».

К двенадцати годам Джим превратился в красивого, хотя и несколько полноватого мальчишку — умного, обаятельного и с хорошими манерами. Он был любимцем учителей, его избрали президентом класса. Но порой он шокировал старших глупым хвастовством и дурными словечками. Он катался на велосипеде «без рук», его выгнали из лагеря скаутов за то, что он нагрубил командиру. Он всячески изводил младшего братишку.

Когда Моррисоны во второй раз приехали в Альбукерк, Клара устроилась на работу секретаршей, а Джим пошел в седьмой класс. Тогда-то родители и заметили, что дети их как-то сплотились и выработали «оборонную доктрину» против частых переездов. Тогда же они увидели, что Джим начал отдаляться от семьи. Здесь он потерял интерес к урокам музыки, здесь он начал отказываться участвовать в разных семейных развлечениях, стал читать запоем. Здесь он и предпринял ту самую «санную эскападу».

В сентябре 1957 года Моррисоны переехали вновь — на этот раз в Аламеда. Аламеда — маленький остров в заливе Сан-Франциско, зато там расположена самая большая американская база морского и воздушного флотов. Это был девятый дом Джима, тут он провел полтора года.

Единственным его другом той поры был высокий толстяк Фад Форд, который учился с ним в одном классе. Фад познакомил Джима с тонкостями аламедской жизни, в частности,

объяснил, что здесь не модно приезжать в школу на велосипеде. И Джим начал ходить пешком — расстояние составляло полторы мили. Также оказалось неприличным носить чистые «ливайсы».

— Но мама стирает нам джинсы каждую неделю, — оправдывался Джим. — Иногда даже дважды в неделю.

Фад лишь пожал плечами.

И тут Джима осенило:

— У меня есть идея! Я заведу вторую пару, буду прятать ее под крыльцом и переодеваться!

Он желал быть принятым аламедским школьным «светом», он также изо всех сил хотел привлечь к себе внимание. Он читал юмористический журнал «Мэд», всячески цитировал шутки оттуда и придумывал по их образцу собственные.

Он уже начинал выказывать неуважение к властям — позже это стало его образом жизни. Как-то раз полисмен пытался выгнать его с одноклассниками из кино, где они ужасно шумели, рассевшись в первом ряду. Джим заявил: «Покажите мне сначала ваши документы!»

Он разработал свою манеру отвечать на телефонные звонки: «Алло, это морт Моррисонов... Вы убиваете, мы закапываем».

Однажды школьный надзиратель поймал его за тем, что Моррисон бежал вверх по лестнице, ведущей вниз¹. Его заставили предстать перед «школьным советом», состоящим сплошь из отличников, и на вопрос: «Признаете ли вы себя виновным?» — он ответил: «Не признаю. Потому что, как видите, у меня и ног-то нет!»

Джим и Фад были неразлучны. Они впервые напились вместе (отлили джин из бутылки отца, восполнив убыток водой). Вместе они пережили и то, что именуют «болью сексуального пробуждения»: они подсматривали за матерью одного из своих соучеников, переодевавшейся в пляжной кабинке. Джим рассказал Фаду, что однажды он занимался любовью сразу с двумя девочками. Фаду пришлось придумывать не менее выдающуюся историю.

Джим рисовал скабрзные рисунки — их у него были сотни. Порой, когда они с Фадом бывали в более мирном расположении духа, они рисовали популярных героев комиксов и придумывали с ними новые сюжеты — но тоже похабного содержания. Однако иногда шуточки были и потоньше, чем можно ждать от четырнадцатилетних оболтусов.

Джим сидел один в своей комнате. Он только что закрыл книгу, не отпуская от себя последние четыре часа. Утром он взялся ее перечитывать. На этот раз он вытащил тяжелый блокнот, который в последнее время повсюду с собой таскал, и начал переписывать целые абзацы.

Это была книга Джека Керуака «В дороге», опубликованная в тот самый месяц, когда Моррисоны перебрались в Аламеда — в сентябре 57-го. Джим обнаружил книгу этой зимой, примерно в то же время, когда газетчик из Сан-Франциско придумал имя новому поколению поэтов и писателей: битники.

Столицей битников был Норт-Бич в пригороде Сан-Франциско, всего в сорока пяти минутах езды автобусом от Аламеда. По субботам Джим и Фад неумоимо кружили возле книжного магазина «Городские огни», в витрине которого было выставлено объявление: «Запрещенные книги». Однажды Джим увидел одного из владельцев магазина, поэта Лоуренса Ферлингетти. Джим испуганно выдавил из себя «здрасьте», а когда Ферлингетти ответил на приветствие, Джим сбежал.

Ферлингетти был его кумиром, вкуче с поэтами Кеннетом Рексротом и Алленом Гинзбергом. Особенно его привлекал Гинзберг, потому что он был живым прототипом Карло Маркса (одного из героев Керуаковой «В дороге»), «печальный поэтический мошенник с сумрачной душой». Этот образ намертво прилип к Джиму.

Джим был очарован и поэтом Дином Мориарти. Он был одним из тех, о ком Керуак говорил: «Безумцы, безумно жаждущие жить, безумно жаждущие разговаривать, безумно

¹ В американских школах, чтобы не было толкотни, две лестницы — для подъема и для спуска отдельно. — Прим. перев.

жаждущие быть спасенными, желавшие всего и сразу, никогда не зевавшие от скуки и никогда не произнесшие ни одной банальности, но сверкавшие, сверкавшие, сгоравшие, словно великолепная Римская свеча, взрывающаяся и звезды затмевающая, и когда в центре этого фейерверка вдруг появлялся синий всплеск, все благоговейно восклицали «О-о-о!».

Джим начал подражать Мориарти, вплоть до его занудного хихиканья — «хи-хи-хи».

В декабре 1948 года Моррисоны переехали в Александрию, штат Виргиния: отца перевели в Пентагон.

Они сняли большой каменный дом в фешенебельном районе, где селились дипломаты, военные высоких рангов, работники министерств, врачи, адвокаты и сенаторы. Пол гостиной устилал толстый ковер, всюду были расставлены старинные комодики и бюро (один из братьев Клары торговал антиквариатом), мягкие кресла, здесь же — большой телевизор. У заднего крыльца спали велосипеды.

По соседству жила Тэнди Мартин. Оказалось, что они с Джимом и учиться будут в одном классе.

Джиму нравилось издеваться над Тэнди. Как-то он пригласил ее на теннисный матч с одним из своих двоюродных братьев — Джим объявил, что этот брат глухонемой. Целый час Джим «разговаривал» с братом при помощи жестов, переводя разговор сочувственно кивавшей Тэнди. Вдруг «разговор» принял крутой оборот, пальцы так и замелькали в воздухе, и брат бросил ракетку и ушел.

Джим пожал плечами и отправился провожать Тэнди домой.

— В чем дело? — спросила она.

— Ой, да ни в чем. Он спросил, можно ли он тоже пойдет с нами, а я не разрешил.

Тэнди обозвала Джима «жестокой скотиной» и разразилась слезами:

— Ох Джим, как ты мог...

— Господи, успокойся, — ответил на это Джим. — К тому же он вовсе не глухонемой!

Тэнди от злости даже плакать перестала.

Все два с половиной года, что Джим прожил в Александрии, она была его единственной девушкой. Она и страдала за всех.

Однажды в воскресенье они поехали на автобусе в вашингтонскую художественную галерею «Конкоран». Когда автобус шел по мосту через Потомак, Джим вдруг опустился на колени и схватил ее за ногу.

— Джим, что ты делаешь? — зашипела Тэнди. — Сейчас же прекрати!

А Джим стянул ей ботинок и принялся стаскивать белый носок.

— Джим, пожалуйста! — Тэнди сложила руки на прикрытых плиссированной юбкой коленях и сжала кулачки так, что даже костяшки побелели. Щеки и шею под «конским хвостиком» залила краска.

— Я хочу поцеловать твою божественную ножку! — пропел Джим сладчайшим из своих голосов — он специально разработал его для того, чтобы никто не понимал, всерьез он говорит или дурачится. Этот голос особенно Тэнди бесил. Джим взял голенькую ступню в руки, запечатлел поцелуй и начал противно хихикать.

«Как-то я не выдержала и спросила его, почему он все время меня дразнит, — вспоминает Тэнди. — И он ответил: «Потому что иначе ты потеряла бы ко мне всякий интерес».

Тэнди была не единственным объектом его экспериментов. Учителям тоже доставалось — особенно наивной и старомодной учительнице биологии. Опаздывая, Джим приводил в оправдание самые невероятные истории — то на него напали бандиты, то его похитили цыгане, а однажды он вдруг встал среди урока и вышел из класса. Учительница бросилась вслед, а он объяснил, что ему пора в больницу — после обеда ему назначена операция по удалению опухоли мозга. Можно представить удивление Клары, когда на следующий день ей позвонил директор и осведомился, как прошла операция...

Он подходил к хорошеньким девушкам, раскланивался, с завыванием читал какой-нибудь сонет XVIII века и, раскланявшись вновь, удалялся. Он таскался с друзьями в школу гольфа (хотя сам и не играл) и развлекался тем, что ходил по узкой ограде поля — внизу, в тридцати футах, мчался Потомак.

Шуточки его были жестокими. Однажды он ехал в автобусе из Вашингтона и ни с того ни с сего прицепился к пожилой даме с вопросом: «Что вы думаете о слонах?» Дама старательно отводила взгляд. «Ну, так что вы в действительности думаете о слонах?» — не унимался он. Дама не реагировала. «Так что со слонами-то случилось?» К концу поездки дама была на грани слез, и, когда взрослые попытались урезонить Джима, он ответил: «Да я просто спрашивал ее о слонах!»

Но каким бы противным Джим ни казался, он все же привлекал к себе людей. Вокруг него вились представители «элиты» средней школы Александрии — пижоны, издатель школьного журнала (по результатам тайного голосования признанный «самым башковитым»), президент ученического совета... Все они подражали Джиму, наперебой подделывались под его стиль речи — «Горячая штукавина...» или «Ну, ты меня достал... Прямо до поджелудочной железы...» и т.п., пересказывали «моррисоновские байки». Джим обладал явным магнетизмом...

«Мы были такими правильными, — вспоминает один из его соучеников, — что когда кто-то вытворял такие вот штучки, которые мы на самом деле хотели бы вытворять, мы чувствовали благодарность. Моррисон был для нас что пуп земли».

У Тэнди Мартин иной взгляд на это время:

«Когда ты учишься в старших классах, трудно быть другим, отличным от остальных ребят... Вот я, например, ужасно хотела вступить в девчачью организацию, я хотела даже попасть в ее совет, хотя и понимала, что это все — чепуха. Но когда меня не приняли, я проревела всю ночь. Когда тебе пятнадцать, хочется быть таким, как все, и если тебя не принимают в какое-то сообщество — это рана, и шрам от нее остается на всю жизнь. А вот Джиму даже предложили вступить в братство старшекласников — и он отказался».

Джим без всяких усилий набирал высшие баллы, его дважды вносили в почетный список, а его «коэффициент интеллекта» составлял 149 баллов. В выпускных работах он набрал по математике выше среднего (528, по сравнению со средним баллом 502), что касается гуманитарных наук, то его оценка была 630 (средняя по стране — 478). Но школьные оценки мало что говорят о человеке — гораздо больше мы можем узнать о нем по книгам, которые он читал.

Джим запоем читал Ницше, поэтичного немецкого философа, чьи взгляды на эстетику и мораль оказали на него огромное влияние, и следы этого влияния видны в его стихах, песнях, во всей его жизни. Он читал «Жизнеописания» Плутарха, особенно его привлекал Александр Македонский, он даже перенял его манеру держаться, «...чуть склонив голову к левому плечу». Он читал великого французского поэта Артюра Рембо, и это видно по его собственным коротким поэмам в прозе. Он прочел все, что было написано к тому времени Керуаком, Гинзбергом, Ферлингетти, Кеннетом Пэтченом, Майклом Макклюэ, Грегори Корсо и остальными поэтами-битниками. На его книжных полках соседствовали «Жизнь против смерти» Нормана О'Брауна и «Улисс» Джойса (учитель литературы вспоминает, что Джим был, пожалуй, единственным из ребят, кто по-настоящему понял это произведение), Бальзак, Кокто, Мольер, работы французских философов-экзистенциалистов. Нельзя сказать, что Джим был «шибко заульным» — он скорее интуитивно понимал, что говорилось во всех этих работах.

И спустя двадцать лет учитель литературы помнил Джима лучше всех своих учеников: «Джим читал очень много, больше, чем остальные. И круг его чтения был таким необычным, что я даже однажды попросил своего коллегу заглянуть в Библиотеку Конгресса, чтобы проверить, существовали ли в действительности авторы, о которых Джим говорил: я подозревал, что он просто придумал этих писателей. В частности, английских авторов XVI — XVII веков, которые писали о демонологии — я сам о них никогда не слыхал. Но они существовали на самом деле! И единственным источником, где он мог все это почерпнуть, была Библиотека Конгресса!»

Джим становился писателем. Он начал вести дневники — толстые блокноты, куда он записывал свои наблюдения и мысли, строчки из журнальных реклам, отрывки диалогов, фразы и абзацы из прочитанных книг и, все чаще и чаще, стихи. Его привле-

кала темная романтика поэзии — легендарная жизнь Рембо, предначертание судьбы, угаданное им в стихах; любовная горячка Гинзберга, Уолта Уитмена и того же Рембо; алкоголизм Бодлера, Дилана Томаса и Брендана Биэна; безумие и пристрастия многих и многих, чья боль проникала в созданные ими образы. Страницы дневника становились зеркалом, в котором Джим видел себя.

Чтобы быть поэтом, недостаточно писать стихи. Это образ жизни — и образ смерти, это стиль существования, пропитанного величайшей из печалей. Это значит просыпаться по утрам, чувствуя невыносимую лихорадку бытия, и знать, что исцелит ее только смерть — но знать, что в этом страдании и кроется высочайшая награда. «Поэт — священнослужитель невидимого», — писал Уоллас Стивенс. А Шелли сказал: «Поэт — непризнанный судия мира».

Отголоски тогдашних стихов Джима слышны в ранних песнях «Дорз». Во многих были образы воды и смерти — и хотя Джим был первоклассным пловцом, друзья уверяли, что он на самом деле очень боялся воды.

Тэнди Мартин перевелась в женскую школу Св. Агнессы. Школа была неподалеку, и Джим видел, как Тэнди проходит мимо его дома с занятий. Он выбежал вслед за ней. Они разговаривали часами — о том, что их страшило, о том, что они ждали от будущего. Он говорил, что хочет стать писателем, что хочет испытать все. Пару раз он показывал ей свои работы маслом — на одной была изображена Тэнди в виде солнышка, на другой, автопортрете, Джим представал в обличье короля.

От остальных Джим держал и поэзию, и живопись в секрете. Родители давали ему мало карманных денег, так что он воровал краски и кисти и, закончив какую-нибудь работу, прятал ее. Он рисовал эротические картинки и засовывал в тетрадки друзей — чтобы их наверняка могли увидеть учителя. Джим обращал внимание на реакцию на его работы — он хотел знать, что шокирует, бесит и что привлекает сильнее всего.

Брат как-то спросил, почему он рисует. «Нельзя же все время читать», — ответил Джим. — Глаза устают».

Теперь главой семьи окончательно стала Клара — Стив был либо в командировках, либо в Пентагоне, дома же он часами разгадывал математические задачки. Клара превратилась в настоящую «супругу офицера» — она все делала безукоризненно. Столовое серебро всегда сверкало, вечеринки в доме проходили на самом высоком уровне. И она постоянно пилила Джима — за длинные волосы, за то, что он неделями таскал одну и ту же рубашку. Как-то она дала ему пять долларов, чтобы он купил себе новую. Джим купил рубашку в магазинчике Армии Спасения за двадцать пять центов, а остальное истратил на книги.

Однажды Тэнди была дома у Джима. Они услышали, как подъезжает машина, и Джим вдруг схватил Тэнди за руку и поволок в родительскую спальню. Там он бросил Тэнди на кровать — покрывало сбилось в сторону, блузка у Тэнди вылезла из юбки. Время было рассчитано точно: в этот момент родители как раз входили в спальню. Тэнди вскочила, вся пунцовая, а Джим как ни в чем не бывало произнес:

— Привет, мам, привет, пап.

Клара страшно переживала «странности» Джима, она несколько раз пыталась поговорить с ним, пока он не заявил:

— Да тебя на самом деле все это не интересует. Тебя даже не интересуют мои отметки — они занимают тебя постольку, поскольку ты можешь похвалиться моими успехами перед партнерами по бриджу!

Он вообще был странным парнем. Родители не часто позволяли ему пользоваться семейным автомобилем, и он просил друзей подбросить его до Вашингтона. В пригороде он выходил и шел дальше пешком. Куда? Этого не знал никто. Одни уверяли — что в книжный магазинчик. Другие — что в один из грязных баров, где играли черные блюзмены. Похоже, именно так и было — в то время он слушал исключительно черные блюзы (тогда он уверял, что терпеть не может рок-н-ролл). А еще он любил шататься по набережной, где сидели с удочками чернокожие старики. Иногда он брал с собой и Тэнди, знакомил ее со своими друзьями.

Но страннее всего были его полночные визиты к дому

Тэнди. Он часами простаивал во дворе у Мартинов, глядя на ее окно во втором этаже. Тэнди говорит, что всегда просыпалась, ощущая его присутствие, но к тому времени, когда она спускалась вниз, Джим исчезал. Когда она сказала об этом Джиму, он ответил, что и не думал приходить к ним во двор.

Родители заставляли его пойти в колледж, заставляли снаться в приличном виде для выпускной фотографии — Джим же не проявлял к этому никакого интереса. В конце концов они сами записали его в один из колледжей во Флориде — тогда он мог бы жить в доме бабки с дедом. И это он воспринял без всякого энтузиазма. Он просто подчинился, но объявил, что на школьный выпускной бал не пойдет ни за что. Отец был в ярости, но Джим стоял на своем. Так что аттестат ему выслали по почте.

Последнее свидание Джима и Тэнди состоялось в пятницу вечером — они, а также их друзья — Мэри Уилсон и ее парень сидели на берегу Потомака. У Джима была упаковка из шести банок пива. Когда они позже пришли в дом к Мэри, Джим дал Тэнди почитать тетрадь с его стихами. Она читала, а он начал вдруг кривляться и валять дурака и заявил, что еще раньше выпил полбутылки виски. Тэнди разозлилась.

— Джим, ну почему ты все время выделываешься? Что это, так уж обязательно?

Джим вдруг припал к коленям Тэнди и разрыдался:

— Я все это делаю из-за тебя, неужели ты не понимаешь?

Он рыдал так громко, что Тэнди пришлось напомнить ему, что наверху спят родители Мэри.

— Ага, ты боишься, что я их разбужу! Ты не знаешь, что делать, если они сейчас спустятся и застанут меня в слезах?!

И Джим попросился и вышел. Тэнди с облегчением вздохнула. Вдруг дверь распахнулась и на пороге снова появился Джим.

— Я передумал! — крикнул он. — Я тебя люблю!

Тэнди фыркнула:

— Ну конечно!

— Ишь, какая ты респектабельная! — рявкнул Джим — это слово всегда обижало Тэнди. Она вспыхнула. А Джим прижал ее к себе, заломил ей руку за спину и всерьез сказал, что вот возьмет сейчас нож и разрежет ей лицо — пусть у нее будет ужасный шрам, «чтобы никто, кроме меня, и взглянуть на тебя не захотел».

Тэнди не рассказывала матери об этом случае, но и она сама, и миссис Мартин видели, что с Джимом что-то происходит. Он уже не был тем мальчишкой, с которым Тэнди познакомилась два с половиной года назад. В нем появились горечь, цинизм, он становился каким-то одержимым. И шуточки его были грязными и злобными. Мать просила Тэнди не дружить с ним: «в нем словно проказа поселилась».

На следующий вечер Джим позвонил, извинился перед Тэнди и пригласил ее на свидание. Но она не могла — она уже давно пообещала сходить с другим парнем на бал, и отказываться от обещания было поздно.

— Но я же завтра уезжаю во Флориду, — взмолился он. — Мы больше не сможем встретиться.

Тэнди была в шоке: она только сейчас узнала о том, что ему предстоит уехать. Раздосадованная, она стала упрекать его — мог бы сказать ей об отъезде и раньше, и, прежде чем расплакаться, бросила трубку.

Через несколько минут Джим уже стоял у нее во дворе под деревом и орал:

— Наконец-то я хоть освобожусь от тебя! Вот уеду и писать не буду!.. Я о тебе даже не вспомню!

Затем потребовал, чтобы она вернула ему тетрадь со стихами — «Немедленно!». Тэнди вышла на крыльцо, рот у нее был крепко сжат, глаза опухли, и вернула тетрадь.

Ночью Тэнди проснулась: она знала, что он, как обычно, стоит во дворе. Она спустилась вниз и услышала знакомые шаги — он уходил. Она подбежала к окну: тень метнулась к машине Моррисонов. Взревел мотор.

Машина тронулась в сторону Флориды.

Перевел с английского С.КАСТАЛЬСКИЙ

Продолжение следует

МАДОННА-ОСВОБОДИТЕЛЬ

Эндрю НЕЙЛ,
английский журналист

В ее эротических клипах есть вульгарность, но всегда коммерчески рассчитанная на публику. Мадонна четко знает: эротика — товар, и этот товар с успехом продает, постоянно вносит разнообразие в ассортимент. Заработанные деньги удачно пускает в оборот. В «Плейбое» как-то была статья, которая так и называлась «Корпорация Мадонна», посвященная финансовому гению певицы. Уверен, что на своей книге «Секс» Мадонна попросту решила заработать, но книга попала под такой бешеный обстрел критики и запретов цензуры, что ей пришлось отчаянно защищаться. В ее книге много всего такого, что мы привыкли называть «извращениями», и если бы она сказала: «Я знаю, какие вы испорченные люди, что бы вы ни говорили о моей книге, вы все равно ее купите», — такое заявление никого бы не удивило, но Мадонна взялась исполнить несвойственную для нее роль философа и правозащитника, пытаясь доказать прогрессивность и полезность нового порнотворения для всех людей. Увы, в роли философа Мадонна выглядит не очень.

пришел брать интервью, отказался купить права на ее книгу, обнаружив, что из 128 фотографий только 5 с большой натяжкой годились для публикации в большом популярном журнале?

«В чем различие между вами и вашим персонажем?»

Вопрос явно ее озадачил.

«Ну, она просто персонаж. Все равно что прийти в кино, увидеть актрису и спросить: какая разница между тобой и той девушкой в фильме? Это не важно. Важно, что ты получаешь от фильма».

«Но все видят в ней вас».

«Меня видят во всем, что я делаю».

«Видите ли вы в себе революционера в сексе, а книгу как часть секс-революции?»

«Да. Именно так».

«И вы чувствуете в себе мессианское желание распространить эту сексуальную революцию?»

«Это, это, это... Скорее это даже не сексуальная революция, а человеческая революция. Подавление секса во многом виновато в плохом поведении людей». — Тут Мадонна замечает иронию сказанного и смеется.

«Как мне кажется, в последние десять лет я старалась помочь людям — в основном женщинам — стать свободнее. В своей работе я стремилась показать, что не нужно стыдиться самой себя, своего тела, своей физиологии, желаний, своих сексуальных фантазий... Люди боятся своих чувств, боятся неизведанного, боятся того, чего не знают, и я им говорю: не бойтесь, все о'кей, в ваших мыслях и чувствах нет ничего плохого».

Те, кто видел и читал мою книгу, говорили: у многих есть такие чувства, но никто в них не признается. Я не вижу в подобных чувствах ничего плохого — вот что я говорю. Я считаю, если люди будут в согласии с собой, если им не придется играть роли, удобные обществу, если они честно признаются, какие они на самом деле, — тогда, я думаю, мир станет лучше. Я знаю, что это звучит очень идеалистично, но я правда так думаю».

«Давайте во всем разберемся. Смысл

вашей ключевой фразы был в том, что подавление секса повинно во многих пороках мира (она согласно кивает) и личных несчастьях людей. Но я мог бы возразить, что сексуальная свобода, или слишком большая сексуальная свобода, повинна во многих несчастьях...»

«В каких, например?» — в ее голосе слышится вызов.

«Хотя бы в разрушении семьи. Сегодня так много матерей-одиночек».

Она думает над ответом.

«Я не считаю, что это имеет какое-то отношение к сексуальной революции. Я думаю, все это из-за недостатка образования. Я думаю, что все это из-за того, что... — Она не заканчивает фразу, так как ее мысль делает резкий поворот. — Я имею в виду, что сегодня сексом занимается не больше людей, чем сто лет назад».

«Как раз больше. Для сегодняшних подростков секс куда доступнее, чем во времена викторианской эпохи...»

«Я в это не верю. Просто люди об этом не говорили. Всегда было одно и то же. Только происходило за закрытыми дверями... Сегодня матерей-одиночек так много из-за феминистского движения: женщины сами не желают жить по старым традициям — выйти замуж, не работать, растить детей... Другая причина в том, что многие мужчины оказываются неспособными прокормить семью, когда остаются без работы, не выдерживают и бросают семьи. А секс-революция тут ни при чем».

Она делает важное добавление: «В некотором смысле это и результат... Любая революция несет перемены, а они не всегда хорошие. Это всего лишь шаг, который необходимо сделать».

Довольно высокая цена, подумал я, за дополнительные свободы в сексе.

«Но для успешного функционирования общества должна существовать некая золотая середина между сексуальным подавлением и сексуальным раскрепощением, не так ли?»

«Что касается сексуального подавления, мы находимся вот тут (она обеими руками показывает вправо), и если мой вклад в общественное развитие помо-

«Почему вы издали эту книгу? Женщины вашей профессии иногда используют свое тело — или вынуждены использовать, — чтобы дать старт карьере. Когда приходит успех, обычно они сожалеют, что так поступили. Но вы...»

«Почему, почему?» — прерывает она, размышляя, что было бы, если бы она пошла по традиционному пути.

«Моя карьера и мои поступки основаны не на том, что делают другие. Где такое правило, что нельзя использовать тело и мозг от начала до конца? Эта книга придумана мной. Мои мысли — вот причина ее появления. В этой книге я играю роль. Я становлюсь персонажем, Дитой Парло, она-то и есть рассказчик».

Меня озадачило такое отстранение от вымышленного героя, ведь все воспринимают книгу Мадонны как выражение ее личных сексуальных фантазий. Я решил уточнить.

«Расскажите об этой женщине».

«О Дите Парло? — спрашивает она с улыбкой, перерастающей в хихиканье. — Этой девочке нравится хорошо проводить время. Она всего лишь персонаж, рассказчик».

«Зачем вам понадобился персонаж, чтобы это рассказать?»

«Мне так захотелось. Потому что это не я», — теперь в голосе появляется жесткая нота.

«Это Дита Парло. Как в любой другой книге... Хотя я исхожу из своего опыта, но, естественно, не все из моего опыта, многое — плод воображения, или истории, которые мне рассказывали другие, или то, что я знала из опыта других...»

Интересно, подумал я, знает ли она, что журнал «Санди таймс», от которого я

жет всем сместиться немного сюда (она сдвигает обе руки чуть влево), тогда я довольна. Я не предполагаю изменить мир, пройти весь путь сюда (сдвигает руки далеко влево).

Я не призываю к тому, чтобы каждый больше занимался сексом, я призываю к тому, чтобы каждый был доволен собой, будь он гомосексуалист, или нормальный, или еще какой. Не чувствовал себя подавленным и не боялся своей плоти, а говорил открыто: я хочу тебя, но я надену презерватив. Ведь нельзя получить того, что хочешь, пока не скажешь, чего именно ты хочешь — потому так много несчастных людей вокруг».

Чересчур уж просто. Тем более, что все это мы однажды уже слышали.

«Разве мы уже не прошли через секс-революцию в 60-х?»

«Да, но тогда все были наркоманами, а я говорю о том, чтобы это делать без наркотиков».

По-видимому, Мадонна знает о 60-х по комиксам, ведь в 70-е она была девчонкой.

«Значит, вы считаете, что все тогда были наркоманами?»

«Думаю, очень многие. Те, кто участвовали в секс-революции, старались попробовать всякое».

«Однажды вы сказали: «Моя идея секса очень эмоциональна и интеллектуальна. Я говорю миру, что существуют чувства — гомосексуальные, нормальные, доминирующие, подчиненные, мужские, женские — и все они о'кей».

«Да, о'кей иметь эти чувства — вот что я говорила. Я не считаю, что люди должны биться головой о стену и говорить себе: боже, зачем я так думаю, так чувствую? Я такой плохой! И потом сорвать зло на своем ребенке, собаке».

«Но в книге делается упор на то, что привыкли называть извращениями в сексе».

«Вы видели книгу?» — спросила она строго. Она знала, что нет: в тот момент книга еще не поступила в продажу, и предполагалось, что Мадонна торжественно даст мне ее посмотреть во время интервью. Но книгу видел мой редактор и подробно рассказал о ней, так что я не слишком расстроился, что упустил возможность ознакомиться с книгой лично.

«Ее видела журналистка из «Вэинити-Фэр» и описала содержание: шлепанье, хлысты, садо-мазохизм и так далее».

«Там не только это. А что касается фотографий, о которых вы говорите, ими я хотела проиллюстрировать свою идею: у многих людей существуют эротические фантазии, в которых они связывают партнеров, шлепают их... вот о чем были эти фотографии».

«Стоит ли воплощать эти фантазии в реальность?»

«Да, если есть взаимное согласие партнеров — я говорю об этом в книге. Садо-мазохизм — это всего лишь разрешение, данное кому-то, причинить тебе физическую боль, когда ты знаешь, что он не сделает тебе больно. Если кому-то хочется быть отшлепанным, пускай».

Кто мы такие, чтобы судить, что хорошо, а что плохо?»

«Но всегда есть опасность, особенно для женщины, что она доверится тому, кому доверять нельзя?»

«Значит, она плохо разбирается в людях. Я же говорю только о тех, кому можно доверять».

Слабое утешение для девчонки, если она попадет в руки садиста, который в лучшем случае избьет ее до синяков.

«Возможен и смертельный исход, не так ли?»

«Во время прогулки по улице тоже возможен смертельный исход. Я за всех не отвечаю. Я лишь говорю — будь смелее, занимайся подобными вещами с тем, кого любишь, с кем тебе хорошо, кому доверяешь. Я не призываю заниматься этим с абсолютно незнакомыми людьми».

«Однако всегда есть опасность, что даже в человеке, которому можно доверять, будут разбужены злые силы. Есть ли в вашем подходе к сексу ограничения?»

«Я не понимаю вопрос».

«Я говорю о последствиях вашего сексуального раскрепощения...»

«Я занимаюсь сексуальным раскрепощением мозга. Я верю, что в людях есть злые силы...»

«И одновременно верите, что садо-мазохизм всего лишь разрешение причинить боль...»

«Да, именно это подразумевает садо-мазохизм».

«Или подразумевает в идеальных условиях?»

«Эта книга основана на фантазиях об идеальном мире — мире, где нет негодяев, где нет СПИДа. Это фантазия, придуманный мир, претензия, о'кей, я приглашаю людей забыть в придуманном мире и хорошо провести время, развлечься».

«Я разговаривал с одной девчонкой, для которой вы были образцом для подражания. Она прочла о вашей книге и очень расстроилась».

«Тут ошибка. Ей не нужно читать о книге. Нужно прочесть книгу и судить самой».

«До такой книги она вряд ли доросла. Вы не боитесь, что слишком много ваших поклонниц-девчонок расстроится из-за вашей книги? Вы не чувствуете ответственность по отношению к ним?»

«У меня есть только одна ответственность — перед искусством, — резко начала она. — И потом я не ребенок, и то, что я делаю, не обязательно предназначено для детей. Возможно, мою книгу не поймет подросток, я к этому и не призываю. Эта книга для взрослых, о'кей. Пусть эта девчонка повзрослеет, а пока эти два года думает, что я ее разочаровала, но потом, когда она станет достаточно взрослой, чтобы понять, что я имела в виду, я буду оправдана, так сказать».

Она смеется над этой перспективой.

«Вы ратуете за большее раскрепощение в сексе, но существует и другой подход: возрождение традиционных цен-

ностей могло бы сделать общество счастливее».

Она задумалась.

«Каких традиционных ценностей?»

«Например, крепкая семья. Многие социальные проблемы (особенно в гетто) возникли у нас из-за разрушения семьи...»

«Совершенно верно».

«...Это произошло в 60-е, и то, что вы делаете, является продолжением начатого тогда процесса. Вы помогаете и дальше разрушать семейные устои».

«Я все же никак не пойму, как все это связано с тем, что я делаю?»

«Ваша книга, некоторые другие ваши произведения, ваши высказывания продолжают процесс разрушения традиций, начатый в 60-е».

«Очень плохо. Я не имела это в виду. Моя книга не имеет никакого отношения к 60-м. Она о людях, которые учатся терпимости друг к другу, о'кей. Я считаю, что семья — это очень важно. Чтобы у ребенка были мать и отец. Я не понимаю, как мои идеи этому мешают? Почему нельзя иметь семью и одновременно быть раскрепощенным и терпимым к сексуальным различиям, почему нет? Я не понимаю».

«Но ваша книга не семейный альбом».

«Потому что в семье я не вижу ничего эротического. Может быть, кто-то и видит, но не я...»

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

SHARON STONE

РОВЕСНИК

НЕПЛОХИЕ ЛЮДИ

A FEW GOOD MEN

США. 1992 г. Реж. Роб Рейнер. В ролях: Том Круз (Дэниел Кэффи), Деми Мур (Джоанна Гэллоуэй), Джек Николсон (полковник Джессеп) и др.

Этот фильм будет особенно интересен нашим военнослужащим и допризывникам, потому что в нем говорится о «дедовщине» в американской армии. И о том, как с ней сражаются.

На базе Гуантанамо убит рядовой — из тех, которые «высовываются» и пытаются оспорить жесткие армейские порядки. Убит такими же рядовыми, как и он, строго придерживающимися «кровавого кодекса» — неофициального закона армейского повиновения. Военный юрист Дэниел Кэффи послан защищать в суде виновных в преступлении, но, расследуя дело, он сталкивается с этим самым неписанным «кровавым кодексом» и с вопросом: а не было ли убийство инспирировано самим командиром базы, полковником Джессепом?

Именно в жестокости, нежелании прислушиваться к другим, патологической уверенности в своей правоте полковника Джессепа герой фильма видит причины того, что в армии процветает «кровавый кодекс».

США. 1992. Реж. Мин Дженсон. В ролях: Уитни Хьюстон (Рэйчел Мэрон), Кевин Костнер (Фрэнк Фармер) и др.

Она — поп-звезда, снимающаяся в своем первом фильме (что полностью соответствует реальной жизни сыгравшей главную роль певицы Уитни Хьюстон — это тоже ее первый фильм). И жизнь у нее как у любой порядочной звезды: репетиции, гастролы, шикарный дом, друзья и полный беспорядок.

Он — ее телохранитель. Человек серьезный. Человек долга. Не терпит никакого беспорядка и живет в условиях, далеких от условий его клиентки. И красив — суровой мужской красотой.

Как вы понимаете, эти двое просто созданы друг для друга. А в результате перед нами — любовная история, уже растрогавшая сердца миллионов зрителей в США и Европе.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

THE BODYGUARD

МЕСТЬ ОДНОЙ БЛОНДИНКИ

Степень бакалавра она получила в пятнадцать лет, и преподаватели Пенсильванского университета прочили ей большое будущее: из нее, как считали они, получился бы блестящий химик. Химиком ей становиться не хотелось. Не хотелось ей становиться и мирной домохозяйкой, к чему вела судьба девочки, родившейся в скромной рабочей семье в самой что ни на есть американской глубинке: «Я стояла на обочине шоссе и смотрела, как мимо нашего городка проносились машины — в другой, большой мир». И в восемнадцать лет поступила как многие «соседские девочки» (есть в Америке такое понятие — «соседская девочка», то есть миленькая блондиночка, похожая на всех сразу) — выиграла местный конкурс красоты и уехала в Нью-Йорк работать фотомоделью. Но и эта судьба ее не прельщала, хотя дальнейшие шаги Шарон Стоун тоже были достаточно традиционны: сотни фотомоделек стараются превратиться в актрисулк. Но лишь единицам из них удается стать актрисами.

Ей удалось. Правда, актрисой не очень-то заметной: рядовая блондинка в рядовых фильмах (ну кто запомнил ее роли в «Копях царя Соломона», «Алане Куотермене» и «Затерянном Золотом городе»?). Даже работа с Арнольдом Шварценегге-

ром в фильме «Вспомнить все» не принесла ей желанного внимания — очередная атлетичная блондинка. Однако эта роль принесла ей внимание и уважение режиссера Пола Верховена, снимавшего «Вспомнить все». «Пробы я проходила в забавнейшей обстановке. Мы — Верховен, Арнольд и я — заявили в гостиницу и попросили номер на троих. Портье, видно, решил, что мы какие-то извращенцы, а мы поднялись к себе, закрыли дверь, Верховен сел на постель и сказал нам: «Деритесь». Я и заметить не успела, как репетиция переросла в настоящее побоище... Я лупила Арнольда изо всех сил! Верховен посмотрел, посмотрел и сказал: «Берем ее».

Именно следующий фильм Верховена — «Основной инстинкт» — вывел Шарон Стоун в разряд настоящих кинозвезд — по крайней мере звезд, о которых спорят. В нем она сыграла писательницу с очень серьезными психологическими и сексуальными проблемами. Однако не из-за этого был весь сыр-бор в прессе: Шарон Стоун со смелостью необыкновенной обнажала себя в рискованных сценах. При этом ее героиня явно издевалась над героем, а Шарон Стоун — над зрителями, видевшими в ней белокурую простушку. Этой-то издевки публика стерпеть и не могла. Но Шарон Стоун смело смотрит в лицо толпе и мстит — за всех блондинок.

В. ЛИПАТОВ

210-167

A RIVER RUNS THROUGH IT

РЕКА ТЕЧЕТ

США. 1992 г. Реж. Роберт Редфорд. В ролях: Крейг Шеффер (Норман), Брэд Питт (Пол), Том Снеррит (отец), Эмили Ллойд (Джесси) и др.

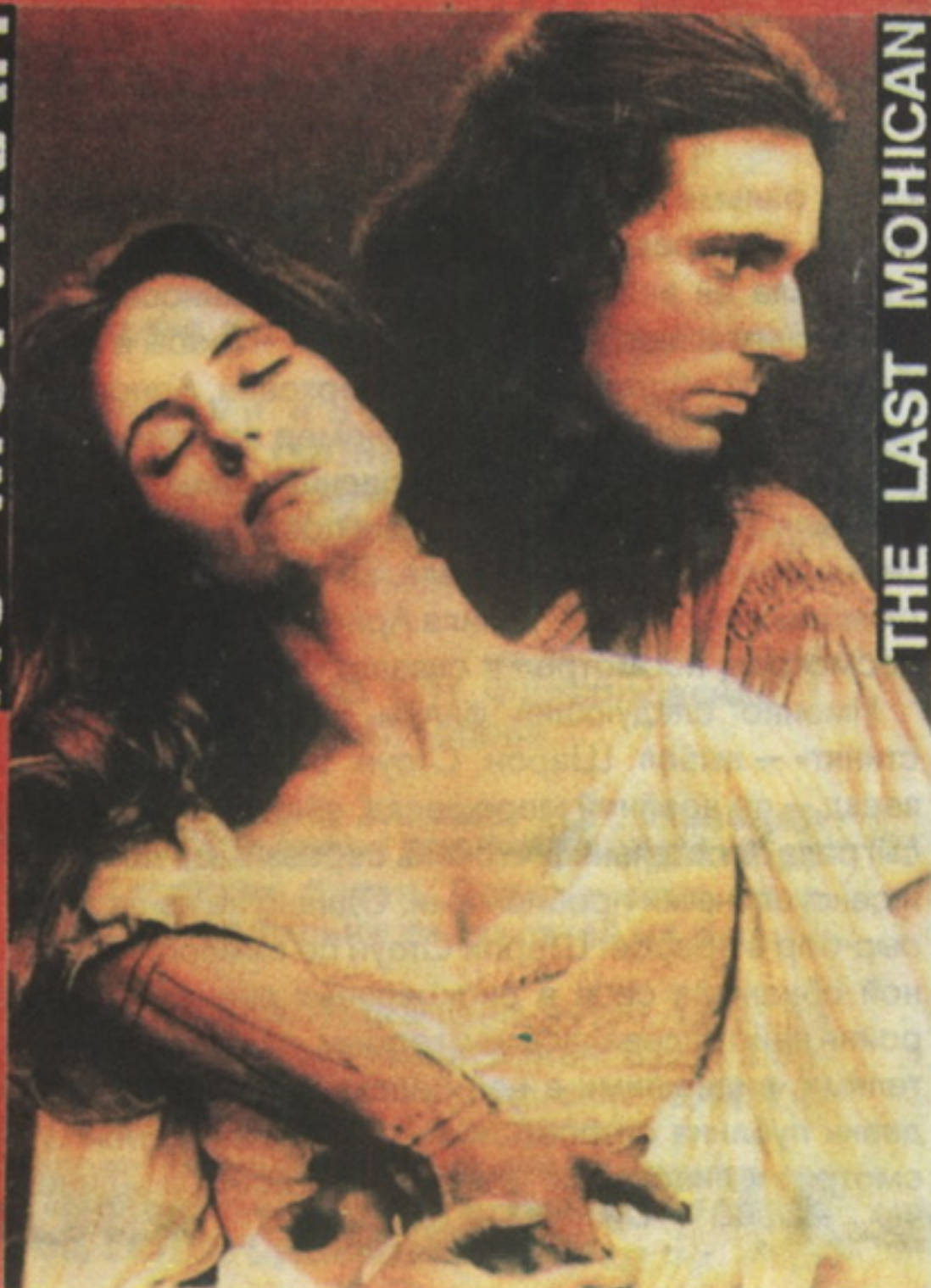
Известный американский актер Роберт Редфорд поставил этот фильм по новелле Нормана Маклина «Река течет» — воспоминании о юности, проведенной в начале этого века в горах Монтаны. В семье пресвитерианского священника двое сыновей: послушный и строгих нравов Норман и ветреный Пол, с удовольствием предающийся всем грехам молодости. И лишь во время рыбной ловли с отцом и братом Пол становится иным человеком, с чистой и возвышенной душой. Житие Пола и должно окончиться трагически — это понимал читатель с первых строк книги, это понимает зритель с первых кадров фильма. В фильме немного действия, но много поэзии и размышлений о жизни, и он явно понравится тем, кто предпочитает поэтическое кино.

США. 1992 г. Реж. Майкл Манн. В ролях: Дэниел Дей-Льюис, Мэделин Стоуи, Вес Стади и др.

Постановщик Майкл Манн говорил, что его первым в жизни кинопечатлением был фильм по книге Фенимора Купера, снятый еще в 1936 году. «Последнего из могиан» экранизировали неоднократно, и каждая новая версия соответствовала тому времени, когда она была снята.

Эта версия — а пересказывать сюжет вряд ли имеет смысл, — скорее, ностальгическая: здесь говорится о безвозвратно утерянном времени. Когда леса были непроходимыми, воды чистыми, мужчины благородными, а женщины — и женственными, и мужественными. И даже злодеи злодействовали по-честному.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

THE LAST MOHICAN

ОДИН ДОМА 2: ПОТЕРЯТЬСЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

HOME ALONE 2: LOST IN NEW YORK

США. 1992 г. Реж. Крис Коламбас. В ролях: Маноли Калкин (Кевин), Джо Пеши (Гарри), Дэниел Стерн (Марв), Тим Карри, Дана Айви и др.

«Один дома» — одна из самых массовых комедий в истории кино, а Маноли Калкин стал самым настоящим нумером и для больших, и для маленьких. И нет ничего удивительного, что режиссер и сценарист решили сделать продолжение.

Однако вопреки традиции продолжение получилось ничуть не хуже предыдущего фильма. На этот раз семья не забывает маленького Кевина дома. Они все отправляются на Рождество во Флориду, но Кевин по ошибке садится в другой самолет и попадает в Нью-Йорк. Здесь он прямоком направляется в шикарный отель, куда уже пробрались его старые знакомцы — воры Гарри и Марв. Как и заведено, Кевин устраивает веселую жизнь и грабителям, и нерадивым служащим отеля.

Правда, грабители тоже очень милые. До того, что с ними может справиться даже ребенок.